

ЯІА
5-1

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА

Сказки для взрослых

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА.
Книга первая. Ключи Гекаты

«Автор»

2026

ЭМБЕР Л.

**КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА. Книга первая. Ключи Гекаты /
Л. ЭМБЕР — «Автор», 2026**

Однажды осенней ночью старое серебряное зеркало открывает Яге дверь туда, куда живым ходить не принято. Там её ждали, и очень давно. Впереди дороги через века и страны, древние боги со своим характером, верные подруги, которые всё равно всё испортят, и вопрос, на который её Род много веков боялся ответить. Комическая фэнтези-сага в трёх книгах о семье, памяти и о том, что бывает, когда кого-то забывают. Перед вами первая часть саги «Ключи Гекаты». Осень выдалась такой мирной, что Яга начала нервничать, и не зря. В ночь Самайна у неё появляется родня. Много родни. С пирогами, претензиями и советами, о которых никто не просил. Новость у родни неприятная. Чтобы всё исправить, Яге придётся научиться ходить туда, куда обычной дорогой не дойти. Беда в том, что дороги пока слушаются её примерно так же, как Избушка. Двенадцать ночей Йоля, три ключа и одна дверь, которую кто-то очень давно закрыл.

© ЭМБЕР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Затишье	6
Глава вторая. Наваждение	14
Глава третья. Знахарки	21
Глава четвёртая. Странница	29
Глава пятая. Канун	36
Глава шестая. Самайн	40
Глава седьмая. Ковен	45
Глава восьмая. Проба	59
Глава девятая. В Париж!	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

КАК ЯГА ИСТОК ИСКАЛА.
Книга первая. Ключи Гекаты
ЧАСТЬ I. САМАЙН

Глава 1. Затишье

В Белолесье стояла осень. Не та, что приходит с дождями, насморком и непреодолимым желанием завернуться в одеяло и послать всех к лешему. К лешему здесь, впрочем, посылали круглый год, причём нередко лично, с гостинцами и вежливой просьбой наконец вернуть одолженную ещё весной косу.

Нет, белолесская осень была обстоятельная, золотая, с прохладными утрами, дымком над крышами и таким количеством грибов, что даже Леший начал подозревать собственный лес в попытке захватить чужую территорию. Грибы росли везде: на полянах, под заборами, в колее от телеги, а однажды утром обнаружили в сапоге Тихона, который тот неосмотрительно оставил на крыльце. Тихон долго смотрел на сапог, потом на гриб, потом снова на сапог, будто ждал, кто из них первым начнёт оправдываться.

— Это что за хрень?

— Подберёзовик, — сообщила Яга из окна.

— Вижу, что не огурец. Он в моём сапоге какого лешего делает?

— Растёт, Тиш.

— Спасибо, жена. Исчерпывающе.

Из-за Ягиного плеча высунулась заспанная Ладушка с рыжей прядкой, торчащей над ухом, оценила находку и потребовала гриб не трогать, потому что «у него там теперь дом». Тихон прикинул, что спорить с дочерью выйдет дороже, чем один день проходить в старых валенках, и молча отправился за валенками в сени.

Вообще жизнь в Белолесье текла в последнее время до того мирно, что это начинало настораживать. Уже третий месяц никто никого не похищал, не объявлял войн, не воровал бессмертия и не требовал от Яги спасти мир до обеда. Даже Горыныч три недели ничего не поджигал, если не считать собственного хвоста, который он опалил, пытаясь одновременно чихнуть, высказаться о качестве обеда и доказать правой голове, что средняя — дура. Но хвост проходил по разряду бытовых происшествий, а таких в Белолесье за происшествия не считали.

Яга наслаждалась покоем. По утрам она выходила на крыльцо с чашкой крепкого кофе, смотрела, как туман неохотно сползает с еловых макушек, слушала, как Избушка брезгливо переступает куриными ногами по заиндевевшей траве, и думала, что жизнь, пожалуй, удалась. Особенно если не вспоминать, сколько раз за последние годы эта самая жизнь пыталась её прикончить.

Тихон тем временем впал в хозяйственный азарт, который у мужчин его склада случается каждую осень, как у медведей спячка, только с обратным знаком. За неделю он починил калитку, переложил ступеньку, перекрыл сарай и теперь стоял перед забором с видом полководца, изучающего вражескую крепость.

— Тиш, а с ним-то что не так?

— Кривой.

— Он двадцать лет такой.

— Значит, двадцать лет кривой.

Спорить с Тихоном, когда тот обнаруживал хозяйственный изъян, было бесполезно, особенно если изъян существовал, пусть даже исключительно в его воображении. Яга только вздохнула:

— Избушку ровнять не вздумай. У неё ноги живые, ей так удобно.

Избушка, услышав своё имя, топнула так, что с конька слетела ворона, и демонстративно развернулась окнами к лесу.

— Вот видишь. Она против.

— Она всегда против, — отозвался Тихон, но молоток отложил и подошёл к крыльцу.
— Ты куда сегодня?

— На рынок, потом к травнице. И к Свентовиту загляну.

— Это ещё зачем?

— Так. Посмотреть.

— Стоит он, — успокоил её Тихон. — Я вчера мимо шёл, поздоровался.

— И что он?

— Воспитанный. Не перебивал.

Он поцеловал жену и вернулся к забору, а Яга допила кофе, накинула тёплую шаль и отправилась по делам.

Идол Свентовита стоял на пологом холме у опушки, там, где последние белолесские огороды сдавались старому лесу. Тихон, если помните, притаранил его с самого Буяна, и история эта давно обросла такими подробностями, что сам Тихон, слушая её на чужих застольях, порой узнавал о себе много нового. За прошедшие годы четырёхликий бог обжился основательно: пустил корни, причём в самом прямом смысле, к большому смущению местных плотников, уверявших, что сухое дерево так не умеет, и смотрел теперь всеми четырьмя лицами разом на лес, на дорогу, на Белолесье и на дальние поля. В солнечный день лица казались почти благодушными, а в сумерках приобретали такое выражение, что припозднившиеся прохожие ускорили шаг и вспоминали всё, что когда-либо брали без спроса.

Впрочем, в Белолесье к подобному привыкали быстро, особенно если древний бог никого не трогал, жертв не требовал и собственных правил проживания не устанавливал.

Однажды Тихон предложил поставить возле холма лавочку.

— Тиша, это священное место, — напомнила Яга.

— И что? У священного места ноги отвалятся, если рядом лавочка будет?

Возразить было нечего. Лавочка встала на краю поляны и в одночасье сделалась самым популярным местом Белолесья. Леший отдыхал на ней после обхода владений, Кикимора устраивала привалы с корзиной грибов и бутылкой настойки, а Русалка заявила, что вид с холма прекрасный, но без водоёма композиция выглядит незавершённой. Тихон запретил копать у Свентовита пруд. Русалка обиделась на три дня, на четвёртый забыла, на пятый явилась с лопатой, и целую неделю Тихон ходил к холму уже не здороваться, а дежурить.

Яга поднялась по травянистому склону и остановилась перед идолом. Четыре лица глядели поверх её головы, каждое в свою сторону и ни одно на неё.

— Ну, здравствуй, — сказала она. — Тихон говорит, ты у нас молчаливый.

Ветер шевельнул сухую траву. Яга обошла столб, разглядывая глубокие трещины в потемневшем дереве, каждая длиной с хорошую деревенскую сплетню.

— Слушай, ты ведь наверняка много чего знаешь. Знаешь и молчишь. — Она хмыкнула.
— Да ты не переживай, у нас таких половина мужиков. Ты в приличной компании.

Свентовит промолчал с достоинством того, кого уже не раз сравнивали с мужиками. Яга постояла ещё немного и спустилась с холма, сама толком не понимая, зачем приходила, и почему-то чувствуя, что её всё-таки выслушали.

К середине октября Белолесье начало готовиться к Самайну.

Ночь эту здесь чтили. В Самайн вспоминали ушедших: ставили на подоконник свечу, чтобы предки не заплутали по дороге домой, оставляли на пороге миску каши для тех, кто всё-таки дойдёт, а у костров рассказывали про своих пращурах. Рассказывали по-доброму, хотя иной раз с такими подробностями, что предки, окажись они рядом, непременно потребовали бы ответить за слова.

Но нынешний Самайн ждали особенно. По старым преданиям, раз в триста лет выпадала ночь, когда граница между настоящим и прошлым истончалась настолько, что любой желающий мог дойти до собственного Истока. Речь шла не о том, чтобы выучить имена прапрадедов,

которые в родословных обычно перечисляют до третьего колена, а потом благополучно забывают. Исток показывал, откуда начался твой Род: кем были те, чья кровь до сих пор течёт в тебе, какие дороги они выбирали и что оставили потомкам. А главное, по легенде, Исток мог ответить на вопрос, который человек не решался задать даже самому себе.

Правила у легенды были простые и строгие. В ту самую ночь, не раньше и не позже, следовало прийти к холму Свентовита, прикоснуться к идолу и попросить отвести тебя к твоему Истоку. Просить нужно было самому и только за себя: отправить вместо себя тещу или заодно разузнать про соседский Род не выйдет. Предание обещало, что Свентовит услышит. Что именно откроется, куда приведёт дорога и вернёшься ли ты оттуда в хорошем настроении, предание благо разумно умалчивало.

Белолесье, разумеется, немедленно разделилось. Одни надеялись отыскать среди предков великих князей, другие мечтали о давно утерянном семейном кладе, третьи всерьёз рассчитывали наконец выяснить, в кого нынешняя родня такая дурная. Яга относилась ко всему этому с осторожностью. Если каждому показать всю правду о его Роде, рассуждала она, половина Белолесья перестанет разговаривать со второй половиной, а вторая тут же потребует пересмотреть наследство.

Достоверных рассказов о прошлом таком Самайне не сохранилось, зато недостоверных было хоть отбавляй, и каждый новый рассказчик непременно добавлял что-нибудь от себя. Особенно старался Леший, который уверял, что триста лет назад всё прекрасно помнит.

— И что было? — спросила его как-то Яга.

— Не скажу.

— Почему?

— Не помню.

— Ты же только что сказал, что помнишь!

— Самайн помню. А что было, нет. Триста лет прошло, между прочим. У меня за это время три дуба сгнило и два новых выросло.

Возразить и тут было нечего.

На рыночной площади тем временем торговали свечами, тыквами, яблоками, венками из сухих трав и особыми самайнскими оберегами, которые, по заверениям продавцов, защищали от всякой нечисти. Нечисть скупала их с огромным удовольствием. Кикимора взяла сразу три: один повесила на шею, второй на дверь, а третий подарила Лешему.

— Это ты от меня защищаешься? — оскорбился Леший.

— Нет, дурень. Это чтобы тебя другие не сглазили.

— А кто меня сглазит?

— С твоим характером очередь выстроится.

Леший подумал и оберег оставил.

Горыныч вызвался отвечать за самайнские костры, и ему отказали. Он обиделся всеми тремя головами, причём каждая по своей причине: правая сочла отказ несправедливым, левая потребовала письменного объяснения, а средняя предложила всё равно прийти и посмотреть, кто тут лучше неё разожжёт. В итоге Горынычу поручили жарить каштаны под присмотром Кошечьих охранников. Охранники попытались срочно уйти в отпуск, но Кощей их не отпустил, а его супруга-коза, поправив копытом треснувшие очки, добавила, что отпуск в Самайн суть дезертирство, и вопрос был закрыт.

В пятницу кумушки, как водится, собрались у Яги. Все пятничное Вече было в сборе.

Кикимора явилась первой, что само по себе было событием: обычно она опаздывала и объясняла это чрезвычайными обстоятельствами, которые при ближайшем рассмотрении оказывались либо новым рецептом настойки, либо скандалом с соседями. На сей раз она принесла корзину грибов и бутылку такого цвета, какого в природе не бывает даже у болотных огоньков.

— Это что? — спросила Яга.

— Лечебное.

— От чего?

— Пока не выяснила. На ком-то же надо выяснять!

Яга молча переставила бутылку подальше от края стола и поближе к себе, чтобы держать её в поле зрения. Следом вплыла Русалка и с порога объявила, что вода холодная. Узнав, что это называется осень, она возмутилась: осень можно было бы организовать и получше, например подогреть озеро. Горыныч всё равно без дела болтается. Царь-девица вошла так, словно только что разбила неприятеля, но осталась недовольна количеством пленных, и сразу же спросила, не видел ли кто её тренировочного меча. Оставила, мол, на крыльце, а теперь его нету.

— А под кроватью смотрела? — поинтересовалась Царевна Лебедь, изящно снимая плащ.

— Зачем мне класть меч под кровать?

— Я не говорю, что ты его туда клала. Я спрашиваю, смотрела ли.

Логика была оскорбительной, но безупречной, и Царь-девица ненадолго замолчала, что случалось с ней редко.

Яга выставила на стол пироги, соленья, жареные грибы и большую миску печёных яблок. Избушка за окном довольно присела, прислушиваясь к знакомому гомону. Пятничное Вече начиналось, и, как всегда, никто не знал, чем оно закончится.

— Ну что, девки, — начала Кикимора, когда первый голод был утолён, — к Истокам пойдёте?

— У меня исток в озере, — сообщила Русалка. — Я его каждый день вижу.

— Это у тебя водный, дура ты болотная! А речь про Род.

— Сама болотная! Я из приличного водоёма!

— Девочки, — вмешалась Лебедь, — давайте без географических оскорблений.

Царь-девица отложила пирог и заявила, что про свой Род и так всё знает: воевали. На вопрос Яги, все ли, ответила, что кто не воевал, тот ковал оружие. А на вопрос про женщин ответила коротко: «Особенно женщины».

Русалка задумчиво крутила ложку. Ей хотелось знать, от кого ей досталась такая внешность, и неплохо было бы попросить Свентовита показать только красивых предков, а остальных пролистать.

— От хорошего питания у тебя внешность, — буркнула Кикимора. — Ты у меня вчера полведра раков съела.

— Это не имеет отношения к наследственности!

— К моей имеет. Мне теперь на зиму раков не хватит. Они теперь больше на моем болоте зимовать не будут. — Кикимора отхлебнула из собственной бутылки для храбрости и мечтательно добавила: — А я бы сходила. Вдруг у меня в Роду кто-нибудь приличный был.

За столом наступила тишина. Царь-девица медленно положила вилку. Русалка уткнулась лицом в ладони. Даже Царевна Лебедь отвернулась к окну и очень внимательно разглядывала темноту.

— Чего? — насторожилась Кикимора.

— Удачи тебе, говорим, — выдавила Яга.

— Я серьёзно!

— Мы тоже, — заверила её Царь-девица. — Мы очень серьёзно надеемся.

Кикимора обиделась и налила себе ещё, исключительно в лечебных целях.

Лебедь вспомнила, что к Истоку, по преданию, нельзя идти из праздного любопытства, а только из настоящего желания узнать свой Род. Кикимора немедленно выяснила, кто будет определять, настоящее у неё желание или нет, и, услышав, что сам Свентовит, озабоченно спросила, нельзя ли ему заранее объяснить, что желание у неё настоящее, просто характер такой.

— Ты сначала до холма доберись, — рассмеялась Яга.

— Доберусь! Я хочу знать, откуда у меня талант к настойкам.

— От отсутствия чувства меры, — предположила Русалка.

— Завидуй молча!

Яга посмотрела в окно, туда, где за тёмными деревьями стоял на своём холме четырёхликий идол.

— А всё-таки почему именно Свентовит? — задумчиво спросила она. — Древних богов много.

— Может, у него специальность такая, — предположила Кикимора. — По родственникам.

— Ага, — фыркнула Русалка. — Триста лет сидит без работы, а потом за одну ночь принимает всех желающих.

— И без предварительной записи, — добавила Яга.

Все рассмеялись, кроме Царевны Лебеди.

— Знаете, что мне кажется странным? — тихо сказала она. — Во всех старых рассказах говорится о дорогах к Истокам. Во множественном числе. Но в одном предании мне попались слова о дороге, которой больше никто не ходит.

— Заросла, наверное, — пожала плечами Кикимора.

— Так Тихона отправить, — оживилась Русалка. — Он у нас специалист по расчистке. Заодно и забор кому-нибудь поправит.

Разговор тут же свернул на хозяйственные таланты мужчин, и о странной дороге забыли. Только Яга почему-то эти слова запомнила, хотя мало ли на свете дорог.

— А ты, Ягусь, пойдёшь? — спросила Лебедь.

— Не знаю. Интересно, конечно. Но мне и нынешних родственников хватает. А ну как объявятся ещё триста поколений, и все с претензиями?

— Почему с претензиями? — удивилась Русалка.

— Потому что с благодарностями обычно не являются.

— Может, тебе там наследство полагается, — предположила Кикимора.

— Ага. Родовое проклятие с правом передачи по женской линии.

Царь-девица одобрительно кивнула: она тоже предпочитала знать своих врагов лично. Лебедь напомнила, что речь всё-таки о предках, на что Царь-девица ответила, что тем более.

В сенях стукнула дверь, и вошёл Тихон, стряхивая с плеч мелкий осенний дождь.

— Чего орёте? С другого конца двора слышно.

— Родословные обсуждаем, — сказала Яга.

Тихон окинул взглядом стол, задержался на бутылке Кикиморы и подозрительно прищурился. Узнав, что это лекарство, причём неизвестно от чего, он постановил, что пить его нельзя.

— Почему сразу нельзя?!

— Потому что в прошлый раз от твоего лекарства у Лешего на ушах шерсть выросла.

— Зато ревматизм прошёл!

— У него не было ревматизма!

— Вот! Видишь, какая профилактика!

Тихон вздохнул, подошёл к жене и поцеловал её в макушку.

— Поела? А то с утра один кофе.

— Ты что, за мной следишь?

— Конечно. Кто-то же должен.

Он взял пирог и уже повернулся к двери, когда Кикимора спохватилась:

— Тихон! А ты к Истокам пойдёшь? Род свой узнать?

— Я свой Род знаю. Мне бы узнать, кто вчера из сарая топор спёр.

— Это разные вещи!

— Вот именно. Топор мне нужен, а прадед, который триста лет как помер, мне его вряд ли вернёт.

Яга прыснула в чашку.

— Тиш, а вдруг окажется, что ты потомок какого-нибудь великого князя?

Тихон посмотрел на неё с искренним недоумением.

— И что мне с этим делать?

— Гордиться.

— А дрова кто колоть будет?

— Ты совершенно неромантичный человек!

— Зато у тебя зимой тепло.

Он подмигнул, прихватил второй пирог и вышел. Некоторое время кумушки молчали.

— Вот ведь мужик, — протянула наконец Русалка. — Ему тайны мироздания предлагают, а он про топор.

— Потому что тайнами мироздания печь не растопишь, — сказала Яга.

— А ты его любишь, — улыбнулась Лебедь.

— Представь себе. Даже вместе с топором.

К вечеру дождь перестал. За окнами стемнело, в стекле отражались свечи, раскрасневшиеся лица и разорённый стол. Кикимора рассказывала, как накануне пыталась выяснить, кто ворует у неё сушёные мухоморы, и устроила засаду в собственном погребе.

— И кто оказался? — спросила Русалка.

— Я.

Выяснилось, что ночью она спустилась за настойкой, забыла, зачем пришла, увидела корзину, решила, что грибы плохо лежат, и переложила их. А утром не нашла и до рассвета просидела в погребе с ухватом, чтобы набить вору морду.

— Правильный подход, — одобрила Царь-девица. — Даже если вор ты сама. — И вдруг помрачнела. — Кстати. Я утром смотрела под кроватью. Нет там меча.

— Под какой? — уточнила Лебедь.

Царь-девица открыла рот, закрыла его и очень медленно произнесла:

— Под гостевой.

Русалка сползла под стол от хохота. Яга смеялась вместе со всеми и вдруг осеклась.

За спиной Русалки, там, где всю жизнь висели полки с посудой, на мгновение возникло совсем другое. Узкая улица, высокие каменные дома, мокрая мостовая, по которой с грохотом катилась незнакомая повозка, чужие голоса и женщина в длинном тёмном платье, торопливо перебегающая дорогу. Яга видела всё это так ясно, что почувствовала запах: сырой камень, дым и почему-то жареные каштаны. Но самым странным была даже не улица. В её конце, между двумя домами, темнел проход, без ворот и без двери, просто узкая щель, уходящая куда-то вглубь. Что за ней, разглядеть было нельзя, и всё же Яга знала совершенно отчётливо: туда можно пройти. Нужно только сделать шаг. А следом пришло другое ощущение, от которого по спине пробежал холодок. Будто кто-то с той стороны держит этот проход. Держит спокойно, без замков и засовов, просто не даёт ему открыться, как держат дверь, за которой лучше никого не будить.

Яга невольно подалась вперёд, и всё исчезло. Стена вернулась на место, чашки мирно поблёскивали на полках, а Русалка, выбравшаяся из-под стола, продолжала хохотать, не подозревая, что секунду назад у неё за спиной лежала целая чужая улица.

— Ягусь, ты чего? — спросила Лебедь. — Побледнела вся.

— Показалось.

— Что показалось? — тут же оживилась Кикимора.

— Ерунда. Бытовая. У меня её полный дом.

Яга взяла чашку и отпила. Чай давно остыл. Она осторожно покосилась на стену ещё раз: полки, чашки, обыкновенная, совершенно нормальная стена, которую Тихон в позапрошлом году даже собирался выровнять. «Вот ещё глупости», — сердито подумала Яга, и строить выводы на секундном видении не стала. Только слова Лебеди вспомнились сами собой: дорога, которой больше никто не ходит. Пожалуй, сегодня следовало лечь пораньше.

Когда подруги разошлись, Яга долго убирала со стола. Тихон принёс охапку дров и остановился в дверях.

— Ты чего такая тихая? Обычно после ваших посиделок у меня ещё полчаса в ушах звенит.

— Устала.

Он посмотрел внимательнее.

— Голова болит? Может, поешь?

— Тиш, я полвечера ела.

— Ну и что. Вдруг опять проголодалась.

Яга улыбнулась. Тихон подошёл, обнял её за плечи, и она чуть было не рассказала ему всё: про улицу, про каменные дома, про то, как привычный мир на мгновение отодвинулся, словно занавеска. Но представила, как это прозвучит вслух, и передумала.

— Всё нормально. Про Самайн думаю.

— Опять Истоки? — Тихон хмыкнул. — Ну, захочешь, сходим. Посмотрим, что там Свентовит устроит. А начнёт чудить, разберёмся.

— Ты и с древними богами разбираться собрался?

— А что? Я его с Буяна приволок, поставил как положено. Пусть теперь ведёт себя прилично.

— Тихон, ты невозможный человек.

— Зато твой.

Он поцеловал её в висок и ушёл закрывать сарай. Яга осталась у окна. Ночь легла на Белолесье, над лесом висела большая бледная луна, а вдалеке, за чёрными кронами, едва угадывалась макушка холма Свентовита. Всё было привычным, тихим и настоящим. Яга провела

ладонью по оконной раме, и на одно короткое мгновение ей почудилось, что под пальцами не дерево, а холодный мокрый камень. Она отдёрнула руку. Обычная рама: тёплая, чуть шершавая, с маленькой трещинкой у угла.

— Ну вот ещё, — пробормотала Яга. — Только этого мне не хватало.

Избушка за окном тихонько переступила с ноги на ногу, словно соглашаясь. Яга задёрнула занавеску. Впервые за долгое время ей не хотелось знать, что будет завтра.

Глава вторая. Наваждение

Утро началось с того, что Тихон нашёл топор. Тот лежал в сарае под аккуратной охапкой берёзовых поленьев, лежал вызывающе спокойно, будто последние три дня не заставлял хозяина переворачивать всё хозяйство вверх дном, подозревать соседей и всерьёз подумывать о том, чтобы расспросить Лешего. Последнее Тихон считал крайней мерой: Леший, может, и знал, куда делся топор, но разговор с ним неизбежно растянулся бы на полдня и закончился бы просьбой починить изгородь, разогнать кабанов или рассудить очередную лесную тяжбу о том, чей это был жёлудь.

Тихон вытащил топор, повертел его в руках и с выражением глубокого личного разочарования произнёс:

— Вот зараза.

Яга, проходившая мимо сарая с корзиной для яблок, остановилась в дверях.

— Кто?

— Топор.

— Что он натворил?

— Нашёлся.

— И ты недоволен? Три дня искал, а теперь ругаешься. Никакой благодарности судьбе.

За годы совместной жизни Тихон научился различать на лице жены несколько разновидностей сарказма. Нынешняя означала, что Яга всё прекрасно понимает, но упускать случай поиздеваться над мужем не собирается.

— Я тут три раза искал, — сообщил он.

— Под поленьями?

— В сарае.

— Ну вот. А Царь-девица свой меч до сих пор ищет. Под гостевой кроватью уже посмотрела, теперь, говорит, на очереди все остальные.

— Яга, ты за яблоками шла или мужа воспитывать?

— Одно другому не мешает.

— Тогда воспитывай по дороге. Мне дрова колоть.

Он подхватил несколько поленьев и пошёл к колоде, а Яга проводила его взглядом и улыбнулась. Тихон двигался привычно, уверенно, без лишней суеты, и всё, что требовало крепких рук, терпения и здравого смысла, рядом с ним как-то само собой становилось проще. Даже к древним богам он подходил с той же меркой: стоит ровно, не заваливается, значит, порядок. Наверное, поэтому рядом с ним Яге всегда было так спокойно. И наверное, поэтому вчера вечером она ничего ему не сказала. Тихон, конечно, выслушал бы, он всегда выслушивал. Но потом непременно начал бы действовать, а что делать с улицей, которая появляется и исчезает посреди горницы, Яга пока не представляла и сама.

Она поправила корзину на локте и решила считать вчерашнее переутомлением. В конце концов, ведьмы тоже люди. Почти. Имеют право уставать и временами сомневаться в собственном рассудке, особенно после целого вечера в обществе Кикиморы. Яга потянулась к яблоку на нижней ветке яблоньки и вдруг почувствовала, как земля чуть качнулась под ногами, словно палуба. Она постояла, прислушиваясь к себе, но головокружение прошло так же быстро, как накатило.

— Что за.., — пробормотала она.

Избушка, дремавшая у крыльца, заинтересованно повернулась к ней всем корпусом. На крыше тем временем устроилась ворона и деловито выдёргивала из-под стрехи сухой мох, явно для собственного строительства.

— Эй, пернатая! — прикрикнула Яга. — Совесть есть?

Ворона уставилась на неё так, будто впервые слышала о существовании подобного органа. Избушка возмущённо встряхнулась, ворона съехала по скату, отчаянно забила крыльями и скрылась за деревьями, осыпая двор сердитыми замечаниями. Яга рассмеялась, похлопала Избушку по тёплому бревенчатому боку и пошла в дом. Осеннее солнце пробивалось сквозь редкую листву, пахло свежими дровами и вчерашними пирогами, мир стоял на своём месте, и Яга намеревалась проследить, чтобы он там и оставался.

У мира, как вскоре выяснилось, были свои планы.

Кладовую за кухней Тихон когда-то расширил, справедливо рассудив, что запасы в доме растут быстрее, чем место для них. Яга тогда возражала, что продовольственный склад им ни к чему, а уже следующей осенью заставила все новые полки вареньем, сушёными грибами, мёдом и травами. Была здесь и отдельная полка, которую гостям без нужды не показывали: пузырьки с редкими настоями, мешочки с кореньями и три бутылки Кикимориного изготовления с надписью крупными буквами «НЕ ТРОГАТЬ». Надпись сделала Яга. Кикимора считала её оскорбительной. Яга считала её мерой общественной безопасности.

Яга поставила корзину на стол и решила сделать к завтраку творог с мёдом. Тихон любил его с орехами, а орехи стояли в глиняной миске на верхней полке кладовой. Она открыла дверь, шагнула внутрь и замерла.

Перед ней лежало море.

Не картинка и не отблеск на стене, а настоящее серое море, уходящее к низкому свинцовому горизонту. Тяжёлые волны с глухим грохотом разбивались о чёрные скалы, между камнями кипела белая пена, над водой с пронзительными криками кружили крупные птицы. В лицо ударил холодный ветер с запахом соли, мокрых водорослей и ещё чего-то терпкого, незнакомого. Вместо половиц под ногой оказался скользкий камень, и Яге пришлось резко откинуться назад, чтобы не упасть. Ветер рванул подол, на щеке осела мелкая солёная морось. Далеко впереди темнела полоса берега, на высоком уступе виднелись какие-то строения, а между скал петляла узкая тропа.

Потом всё исчезло, и Яга ударилась плечом о дверной косяк.

Перед ней стояли полки. На верхней дожидались своего часа солёные огурцы, на средней поблёскивало варенье, внизу шеренгой выстроились Кикиморины бутылки. Яга осторожно коснулась ближайшей полки: знакомое дерево, чуть шершавое, с зазубриной на краю, которую Тихон всё собирался зашлифовать. Она закрыла дверь, сосчитала до пяти и открыла снова. Кладовая. Повторила ещё дважды, чувствуя, как недоумение сменяется раздражением.

— Очень смешно, — сказала она в пустоту. — Обхохочешься.

Пустота промолчала.

Яга взяла мёд и орехи, вернулась на кухню и машинально провела ладонью по щеке. Кожа была влажной. Она растёрла влагу между пальцами и коснулась губ.

Соль!

Яга медленно опустилась на стул. Вчерашнюю улицу ещё можно было списать на морок, на усталость, на Кикиморину настойку, которой она, впрочем, не пила. Но морок не оставляет на лице морской воды. Можно было, конечно, убедить себя, что она вспотела от испуга, только камень под ногой она тоже чувствовала, и ветер, и этот запах.

Она посмотрела на дверь кладовой с выражением хозяйки, обнаружившей, что собственный дом взялся колдовать без её разрешения.

— Ну уж нет, — сказала Яга. — Только попробуй.

С улицы доносился размеренный стук топора. Тихон колот дрова, не подозревая, что в нескольких шагах от него жена только что побывала на неизвестном морском берегу, не выходя из кухни. Яга представила, как зовёт его: «Тиш, у нас в кладовой море». Он придёт. Моря, разумеется, не будет. Тогда он спросит, хорошо ли она спала, не болит ли голова и когда она последний раз нормально ела, а если странности продолжатся, начнёт искать, кто поможет. И первой, чего доброго, позовёт Кикимору.

При мысли о том, что Кикимора получит официальное право лечить её собственными настойками, Яга почувствовала себя значительно лучше. По крайней мере, желание сохранить рассудок стало совершенно искренним. Она решительно поднялась, приготовила завтрак и решила пока молчать. Не потому, что боялась Тихона. Просто сначала следовало разобраться самой, а уж потом пугать мужа.

К полудню сидеть дома и прислушиваться к каждому скрипу стало невыносимо. Тихон ушёл в кузницу, Избушка дремала во дворе, и в доме стояла такая тишина, что даже потрескивание поленьев в печи казалось подозрительным. Яга несколько раз прошла мимо кладовой, нарочно не глядя на дверь, потом всё-таки заглянула, убедилась, что банки на месте, и рассер-

дилась на себя окончательно. Она была Ягой, а не впечатлительной барышней, впервые увидевшей колдовство. Законы природы в Белолесье соблюдались весьма приблизительно, особенно когда за дело брались Кощей, Горыныч или пятничное Вече. Но у всех прежних чудес хотя бы была причина: кто-то колдовал, кто-то проклинал, кто-то просто не дочитал инструкцию к волшебному предмету. А нынешнее происходило само по себе, и Яга не имела к нему никакого отношения.

По крайней мере, ей так казалось.

Она накинула тёплый плащ и отправилась на рынок: за творогом, посмотреть ткани и заодно заглянуть к травнице за мелиссой, которая, по мнению Яги, в ближайшее время могла очень пригодиться.

Белолесье встретило её привычным гамом. Торговали яблоками, орехами, мёдом и последними осенними овощами. В очереди у пекарни две соседки выясняли судьбу курицы, которая перестала нестись после того, как хозяйка пригрозила ей супом: одна утверждала, что птица обиделась, другая — что курица просто наглая и давно напрашивается на серьёзный разговор. Старик продавал деревянные ложки, расхваливая их так, словно каждую вырезал лично из Мирового древа. А на прилавке с самайнскими оберегами появились новинки, расписанные древними знаками без малейшей заботы о смысле. Один, судя по надписи, защищал от злых духов, а на деле представлял собой довольно грубое пожелание хорошего урожая репы.

— Покупайте, матушка! — оживился торговец. — Сильнейшая защита! От порчи, сглаза и всякой нечисти!

— А от глупости помогает?

— От какой именно?

— От любой.

Торговец задумался.

— Не пробовали.

— Жаль. Был бы самый ходовой товар.

Она пошла дальше, оставив его размышлять над неожиданно перспективным направлением торговли.

У лавки тканей Яга задержалась. На перекладинах висели бархат, шёлк и плотное сукно, и особенно ей приглянулся тёмно-зелёный отрез с тонким золотым узором. Она уже прикидывала фасон и потянулась потрогать ткань, когда между двумя рулонами вдруг открылась каменная лестница.

Ступени были старые, стёртые посередине, влажные, с тёмным мхом по краям. На стенах дрожали отблески огня, снизу доносились приглушённые голоса. По лестнице поднимался мужчина в длинной тёмной одежде, перехваченной поясом, с маленьким фонарём в руке. Свет ложился на его лицо неровными золотыми пятнами, оставляя глаза в глубокой тени. Яга стояла, боясь моргнуть. Мужчина поднялся ещё на две ступени, остановился и посмотрел прямо на неё. Не в её сторону и не сквозь неё, а именно на неё, и в лице его отразилось точно такое же изумление, какое, вероятно, было сейчас у самой Яги. Он обернулся, будто хотел кого-то позвать, снова поднял глаза и что-то сказал. Слов Яга не расслышала. Она шагнула вперёд, и мужчина резко выставил ладонь, словно хотел её остановить.

Лестница исчезла. Перед Ягой снова висел тёмно-зелёный бархат.

— Вам показать? — раздалось рядом.

Яга вздрогнула так, что чуть не снесла локтем перекладину.

— Что?

— Ткань, — терпеливо повторила продавщица. — Вы на неё так смотрите. Хороший бархат, привозной. Вам пойдёт.

— А там у вас что? За тканями?

Продавщица оглянулась.

— Стена. А что должно быть?

— Да так. Показалось.

— Бледная вы какая-то. Может, водички?

Яга отказалась и поспешно отошла, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла. У колодца она остановилась, оперлась о прохладный сруб и попыталась собрать мысли. Странностей было уже три: улица за спиной Русалки, море в кладовой и лестница за тканями. И последняя отличалась от первых двух самым неприятным образом: человек на ступенях её увидел. Хотел предупредить? Позвать? Или, наоборот, не пустить? Выходило, что дверь, которая время от времени открывалась перед ней, открывалась в обе стороны.

Она прислушалась к себе, к привычному току колдовской силы. Магия отзывалась как всегда, ровно и послушно, без малейшего намёка на то, что с ней творится что-то неладное.

— Замечательно, — пробормотала Яга. — Теперь у меня и магия дурочкой прикидывается.

Мимо проходила старушка с корзиной картошки. Услышав последние слова, она сочувственно покачала головой.

— Ох, матушка, нынче все прикидываются. У меня зять третий год больным притворяется, лишь бы крышу не чинить.

— И что, помогает? — невольно улыбнулась Яга.

— Ему-то помогает. А мне дождь на голову капает.

Старушка ушла, продолжая ворчать на зятя, а Яга решительно повернула к дому. Ткани подождут, творог тоже. А с собственной головой следовало разобраться прежде, чем та начнёт показывать ей целые города вместо кухонных шкафов.

Тихон сидел на крыльце и чинил кожаный ремень. Подняв глаза на жену, он сразу отложил работу.

— Ягусь, что случилось? У тебя лицо, будто ты кого-то убить собралась, только ещё не решила кого.

— А обычно какое?

— Обычно красивое. И сердитое. Но сердитое по делу.

Яга хотела возмутиться, а вместо этого рассмеялась. Тихон улыбнулся в ответ, но тревога из его глаз не ушла. Он протянул руку, усадил её рядом и обнял, ни о чём не спрашивая. От него пахло кожей, древесной стружкой и холодным осенним воздухом, и Яга почувствовала, как понемногу отпускает напряжение, державшее её с самого утра. Отговориться усталостью было бы проще всего, но она слишком хорошо знала мужа: если он видел, что с ней неладно, разговорами о погоде его было не отвлечь.

— Тиш, у тебя бывало так, что смотришь на одно, а видишь совсем другое?

Он подумал.

— Бывало.

— Правда? — с надеждой повернулась к нему Яга.

— Конечно. Вчера на сарай смотрел, а видел, что крыша опять течёт.

Яга закрыла глаза.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Только ты, похоже, не про крышу.

Она помолчала, пытаясь найти слова, которые не прозвучали бы совершенно безумно. Подходящих не нашлось.

— Сегодня утром я открыла кладовую. А там море.

Тихон медленно повернул голову к двери.

— В нашей кладовой?

— Нет, в Кощеевой! Конечно, в нашей!

На его лице не было ни насмешки, ни недоверия, только сосредоточенность человека, которому сообщили о непонятной хозяйственной неприятности.

— И где оно сейчас?

— Исчезло. Само.

— А банки?

Яга несколько секунд смотрела на мужа, пытаясь понять, шутит он или действительно волнуется за запасы.

— На месте, Тиш.

— Ну, уже хорошо.

— Тихон, у меня в кладовой море появляется, а ты о банках думаешь!

— А о чём мне думать? Море ушло, банки остались. Значит, ущерба пока нет. — Он поднялся и протянул ей руку. — Пойдём смотреть.

— Его уже нет!

— Тогда кладовую посмотрим. Может, следы остались.

Следы. Яга осеклась, вспомнив соль на губах.

Тихон обследовал кладовую основательно, как всё, за что брался: оглядел полки, простучал стены, заглянул за мешок с мукой, присел и провёл ладонью по половицам.

— Ты туда заходила?

— Только шагнула. Под ногой был камень, мокрый, скользкий. Я чуть не упала.

Он нахмурился, выпрямился и посмотрел на неё так, что пришлось рассказать и остальное: про улицу за спиной Русалки и про лестницу за тканями.

— И этот мужик, кажется, меня тоже увидел, — закончила Яга, и прозвучало это куда тревожнее, чем ей хотелось.

Тихон потёр подбородок и открыл было рот, но Яга его опередила:

— Голова не болит, не тошнит, спала хорошо, ела. Дальше.

Тихон закрыл рот, подумал и честно признался:

— Тогда я не знаю, что спрашивать.

— Вот и я не знаю, Тиш.

Он притянул её к себе.

— Разберёмся.

— А если не разберёмся?

— Значит, будем разбираться дальше.

— Очень убедительно, — улыбнулась она ему в плечо.

— Зато план есть.

Они постояли посреди кухни, обнявшись. За окном шуршали листья, в печи потрескивали дрова, а кладовая с самым невинным видом притворялась кладовой. Потом Тихон отстранился.

— Только давай договоримся. Увидишь опять что-нибудь, одна туда не лезь.

— Ты мне запрещаешь?

— Прошу. Если за дверью вместо кладовой море, я бы туда без верёвки не ходил.

— Тихон, ты и в неведомое измерение с верёвкой полезешь?

— А как иначе? Вдруг обратно вытаскивать придётся.

Яга рассмеялась и снова обняла его, и впервые за весь день ей показалось, что всё, может быть, не так уж страшно. Пока рядом был Тихон со своей верёвкой, даже неизвестные моря выглядели несколько менее опасными.

К вечеру решили пока никому не рассказывать. Точнее, решила Яга, а Тихон после долгого обсуждения согласился, хотя несколько раз предлагал позвать кого-нибудь сведущего.

— Кого? — спрашивала Яга.

— Лешего.

— Он Самайн трёхсотлетней давности помнит, а что тогда было, забыл. Очень полезный специалист.

— Тогда Кикимору.

Яга посмотрела на мужа так, что он немедленно поднял руки.

— Понял. Кикимору не зовём.

— Ни при каких обстоятельствах.

— Даже если сама придёт?

— Особенно если сама придёт.

Тихон усмехнулся, но тут же снова посерьёзnel.

— Ягусь, ты только не молчи, если хуже станет.

Она кивнула и вдруг поняла, что он по-настоящему испугался. Не моря в кладовой и не лестниц, которых он не мог ни представить, ни потрогать руками, а за неё. Яга провела ладонью по его щеке.

— Со мной всё хорошо, Тиш.

— Вот пусть так и будет.

Он поцеловал её пальцы и вернулся к недочиненному ремню. Вечер прошёл тихо. Новых видений не было.

Перед сном Яга всё-таки подошла к кладовой, открыла дверь и постояла, глядя на полки. Ничего. Она уже закрывала дверь, когда уловила едва заметный запах: сырой камень, морская соль и что-то ещё, чего она никак не могла назвать. Запах исчез почти сразу, оставив неприятное чувство, будто кто-то только что прошёл совсем рядом.

Яга медленно прикрыла дверь и вспомнила человека на лестнице, его изумлённое лицо и выставленную ладонь. Вспомнила тёмную щель между домами. И слова Лебеди о дороге, которой больше никто не ходит. Связь между всем этим была настолько сомнительной, что она тут же на себя рассердилась. Мало ли на свете лестниц. И уж тем более мало ли морей.

Тихон уже лежал в постели, подложив руку под голову.

— Море не приходило?

— Нет.

— Ну и хорошо. А то я уже думал, куда лодку ставить.

Яга фыркнула, забралась под одеяло и прижалась к мужу. Тихон поцеловал её в волосы и вскоре уснул, а она ещё долго лежала с открытыми глазами, слушая ночной дом: как поскрипывает во дворе Избушка, как ветер перебирает ветви яблоньки у крыльца, как вдалеке кричит ночная птица. Всё было знакомым и надёжным. И всё же теперь Яга знала, что привычный мир может отодвинуться в любую секунду, уступив место чему-то совсем чужому.

До Самайна оставалось совсем немного. А старые дороги, похоже, не собирались ждать, пока она решит, хочет ли знать, куда они ведут.

Глава третья. Знахарки

На следующее утро Тихон проснулся раньше жены, что само по себе было делом обычным. Необычно было то, что он не встал, хотя за окном светало, а в сарае дожидалась работа. Он лежал, опершись на локоть, и разглядывал Ягу так сосредоточенно, будто надеялся высмотреть у неё на лице неведомую хворь и немедленно вылечить её каким-нибудь понятным способом, желательно молотком.

Яга проснулась от этого взгляда. Почувствовала, как кто-то осторожно убирает прядь с её щеки, и, не открывая глаз, улыбнулась.

— Тиш, если собираешься целовать, целуй. А если опять нашёл что-нибудь кривое, подожди хотя бы до завтрака.

— Я температуру проверяю.

Яга открыла один глаз.

— Глазами?

— Пока глазами.

Он приложил ладонь к её лбу, потом к щеке, нахмурился и повторил всё сначала, словно за три мгновения температура могла существенно измениться. Яга поймала его руку и поцеловала широкую ладонь.

— Тишенька, я выпалась, ничего не болит, и если ты не перестанешь искать у меня горячку, я решу, что тебе просто лень вставать.

— Мне хочется, чтобы ты была здорова, — сказал он без улыбки.

Яга окончательно проснулась. За ночь его тревога никуда не делась, она видела это по упрямой складке между бровями и чувствовала себя немного виноватой. С её видениями Тихон ничего не мог поделать, а бездействие было для него едва ли не самым тяжёлым испытанием на свете.

— Ладно, — смягчился он. — Но сегодня ты дома посидишь. Отдохнёшь от всего.

Яга села в постели, придерживая одеяло.

— Тихон, я ведьма. Я за свою жизнь столько пережила, что от одного перечисления у тебя дрова в сарае поседеют. А ты меня из-за какого-то моря в кладовой под домашний арест сажаешь!

— Не арест, а отдых. При аресте кормят хуже.

Яга запустила в него подушкой. Тихон поймал её одной рукой, другой притянул жену к себе и поцеловал так основательно, что спор о домашнем аресте пришлось отложить на неопределённый срок.

Когда они наконец выбрались из постели, Яга почти убедила себя, что день будет самым обычным. Тихон растопил печь, она занялась завтраком, а по дороге к лесу прошёл Леший с видом существа, лично отвечающего за наступление осени и крайне недовольного качеством исполнения. Тихон проводил его взглядом.

— Может, всё-таки у него спросить?

— Мы же договорились никому не рассказывать.

— Договорились, — согласился Тихон, но смотрел он уже не на Лешего, а на дверь кладовой, с тем выражением, с каким обычно оценивал сомнительную конструкцию, прежде чем решить, чем её подпереть.

— Тиш, — насторожилась Яга, — что ты задумал?

— Ничего.

— Я знаю твоё «ничего». После него обычно оказывается, что ты уже купил доски, выкопал яму или договорился с Горынычем.

Тихон смутился ровно настолько, насколько способен смутиться человек, свято уверенный в своей правоте.

— Я верёвку приготовил. Крепкую. Длинную. Если опять что-нибудь откроется, чтобы было за что держаться.

Перед глазами у Яги немедленно возникла картина: она стоит посреди незнакомой каменной улицы, привязанная за пояс к сараю, а Тихон с другого конца верёвки кричит, чтобы далеко не отходила. Она уже собралась рассмеяться и не смогла, потому что он сказал это очень просто. Для Тихона не было разницы между гнилой гатю через болото и проходом в чужой мир: если жена может туда провалиться, значит, нужно, чтобы было за что её вытащить.

Яга обняла мужа и прижалась щекой к его груди.

— Мой ты хороший. Только давай пока без верёвки. А то соседи увидят и решат, что мы семейную жизнь разнообразим.

Тихон кашлянул, явно живо представив эти разговоры, и наконец рассмеялся.

— Ладно. Но лежать она будет поближе.

К полудню выяснилось, что тайна в Белолесье живёт примерно столько же, сколько свежий пирог на пятничном Вече.

Кикимора явилась без приглашения, но с таким видом, будто её не только ждали, но и нарочно оставили калитку открытой. Из её корзины торчали пучки трав, выглядывало горлышко глиняной бутылки и тянуло таким запахом, что Избушка ещё на подходе приподнялась на куриных ногах и попятилась.

— Ягусь! Я тебе кой-чего принесла!

— Если это опять настойка от всего, можешь не доставать. У меня прошлогодняя стоит нетронутая.

— Прошлогодняя уже не годится, — оскорбилась Кикимора. — Я рецепт усовершенствовала.

— В какую сторону?

— В лечебную, конечно! — Она уселась за стол, оглядела хозяйку и вдруг спросила с неожиданной серьёзностью: — А ты чего такая? Мне торговка тканями всё рассказала. Говорит, стояла ты, бархат разглядывала, потом побелела как полотно и всё допытывалась, что у неё за тканями.

Яга мысленно выругалась. Белолесью не требовалось ни ясновидения, ни тайной сети осведомителей: стоило один раз странно повести себя на рынке, и к обеду об этом знали все, включая тех, кто с утра вообще не выходил из дому.

— Показалось мне кое-что. Лестница. За тканями.

Кикимора медленно поставила чашку.

— Ягусь, а ты вчера часом мою настойку не пробовала?

— Нет!

— Я просто уточняю. От неё иногда бывают зрительные явления. Но обычно приятные. Лешему вот однажды показалось, что он молодой, так он потом три дня на свидания бегал.

— С кем? — невольно заинтересовалась Яга.

— Со всеми, кто соглашался. Потом выяснилось, что половину времени он ухаживал за собственной тенью. Но настроение у него было замечательное.

Отступать Кикимора не собиралась: она учуяла тайну, а тайна для неё пахла слаще любой настойки. Через четверть часа расспросов, которым позавидовал бы любой дознаватель, Яга сдалась и рассказала про море в кладовой. Кикимора даже перестала жевать пирог.

— Настоящее море? С волнами?

— С волнами, ветром и чайками.

— А рыба была?

— Какая разница?!

— Большая. У меня селёдка кончилась.

Не дожидаясь разрешения, Кикимора распахнула дверь кладовой, постояла, втянула носом воздух и объявила, что здесь действительно пахнет чем-то подозрительным.

— Морем? — с надеждой спросила Яга.

— Моей настойкой.

— Так она здесь и стоит!

— Вот! Может, от неё испарения пошли. — Кикимора задумчиво понюхала пробку одной из бутылок с надписью «НЕ ТРОГАТЬ», и лицо её просветлело. — Я знаю, что тебе нужно. Голову прочистить.

— Кикимора, я тебя предупреждаю...

— Да не в том смысле! Пропарить. Полынь, можжевельник, болотная мята, корень дягиля и ещё кое-что.

— Что «кое-что»?

Кикимора отвела глаза.

— Секрет состава.

Но она уже шла к своей корзине.

Тихон вернулся в самый неподходящий момент. Ещё с крыльца он почуял запах, напоминавший горелую траву, болотную тину и старые сапоги, забытые у печи на неделю, а из приоткрытой двери выползал густой сизый пар. Он бросил инструменты и вошёл.

Яга сидела посреди кухни, сердито скрестив руки. Перед ней на столе дымились большая глиняная миска, а Кикимора, вооружившись полотенцем, пыталась накрыть им голову хозяйки.

— Да сиди ты смирно! — пыхтела Кикимора. — Все дурные видения как рукой снимет!

— Я тебе сейчас сама кое-что сниму! — отбивалась Яга. — И руки, и желание заниматься медициной!

— Тихон! — просияла Кикимора. — Как хорошо, что пришёл. Подержи жену, она от видений лечиться не хочет.

Яга закрыла глаза. Тайна продержалась полдня.

Тихон подошёл к миске и заглянул внутрь. В мутной жиже плавали веточки, листья и маленький корешок с подозрительно человеческими очертаниями.

— Это что?

— Мандрагора.

— Она живая?

— Была.

Тихон молча отодвинул миску подальше от жены и сказал, что лечить пока не будут, потому что Яга и так прекрасно себя чувствует, а после такого лекарства придётся проветривать не только дом, но и полдеревни. Кикимора оскорбилась так глубоко, что с минуту не могла подобрать слов, потом заявила, что неблагодарность есть главный враг народной медицины, и принялась демонстративно собирать травы.

Яга облегчённо выдохнула, но рано: в дверь постучали.

Русалка явилась в тёплом плаще, из-под которого поблёскивало вечно влажное платье, и со свёртком речных трав в руках.

— Ягусь, я слышала, тебе плохо!

Яга медленно повернулась к Кикиморе. Та с достоинством вздёрнула подбородок.

— Я никому не говорила. Я только встретила Русалку по дороге и упомянула, что иду лечить Ягу. Это не считается. Подробности я не рассказывала.

— Кикимора говорит, у тебя видения, — подтвердила Русалка, обнимая подругу и заглядывая ей в лицо. — Это всё от сухого воздуха. Я давно говорила, что тебе надо больше времени проводить у воды. Вода уносит всё лишнее, очищает мысли...

— Ещё скажи, что её надо в озеро окунуть, — фыкнула Кикимора.

Русалка посмотрела на неё с искренним удивлением.

— Конечно, надо. Минут на сорок, с головой. А ты что предлагаешь?

— Пропарить!

— Да она у тебя от пара сварится!

— А у тебя посинеет!

Тихон наблюдал за спором и всё отчётливее понимал, что события развиваются в крайне нежелательном направлении: выражение лица жены становилось всё опаснее.

— Девки, может, сначала у самой Яги спросим, чего она хочет?

Яга медленно поставила чашку.

— Я хочу, чтобы вы перестали меня лечить.

Кикимора и Русалка переглянулись.

— Видишь? — шёпотом сказала Кикимора. — Раздражительность.

— Конечно, — так же шёпотом согласилась Русалка. — Внутреннее перенапряжение.

Тихон отвернулся к окну, пряча улыбку.

— Если вы сейчас не прекратите, — очень спокойно произнесла Яга, — я вам обоим такое внутреннее равновесие устрою, что неделю будете друг друга из болота вытаскивать.

Кикимора осторожно придвинула к себе корзину. Русалка задумчиво посмотрела в окно. Обе решили, что с лечением можно повременить, но уходить ни одна не собиралась: теперь всем хотелось знать, что же Яга видела.

К вечеру в доме собралось всё пятничное Вече. Царь-девицу привела Русалка, которая сбегала за свежими речными травами и по дороге рассказала о загадочном недуге всем, кто не успел увернуться. Царевну Лебедь Кикимора перехватила у пекарни и сообщила, что Яга отказывается от помощи, хотя случай чрезвычайно интересный с медицинской точки зрения.

— С каких это пор Кикимора медицинскими случаями занимается? — возмутилась Яга.

— С тех пор, как научилась настойки делать, — невозмутимо ответила Царь-девица, снимая плащ. — По крайней мере, так она считает.

Явилась она, как всегда, вооружённой, только на этот раз ухватом: меч так и не нашёлся, а приходить на тревогу с пустыми руками Царь-девица считала неприличным. Тихон оценил количество собравшихся, общий уровень решимости и ухват и молча пошёл за дровами. Если уж кумушки намерены лечить его жену, пусть делают это хотя бы в тепле.

Яга рассказала всё по порядку. Выслушав, Царь-девица постановила, что дело ясное.

— Кто-то к тебе ходит. Значит, нужна засада. Я сяду в кладовой с ухватом, и как только там откроется, встречу гостя.

— А если откроется море? — спросила Лебедь.

— Встречу море.

— Ухватом?

Царь-девица посмотрела на ухват, потом на Лебедь и пожала плечами с видом полководца, которого не смущают такие мелочи, как стихия.

— Да вы сговорились, что ли, — простонала Яга. — Одна в погребке с ухватом саму себя до рассвета караулила, теперь вторая в кладовую собирается.

Засаду отменили после того, как Тихон, вернувшись с дровами, заметил, что в кладовой стоит варенье, а Царь-девица в засаде имеет обыкновение заедать нервы.

Царевна Лебедь всё это время сидела рядом с Ягой и не предлагала ни пара, ни проруби, ни ухвата. Она только задавала короткие вопросы, после которых Яга вспоминала подробности, поначалу казавшиеся пустяками. Особенно её заинтересовал человек на лестнице.

— Ты уверена, что он тебя видел?

— Настолько, насколько вообще можно быть уверенной в человеке за стеной лавки. Он остановился, посмотрел прямо на меня, что-то сказал и выставил руку. То ли предупредить хотел, то ли не пустить.

— А море было холодное?

— Холодное и солёное. Соль у меня потом на губах осталась.

— Вот! — оживилась Русалка. — Я же говорю, вода!

— Русалка, ещё одно слово про купание, и я тебя лично в прорубь отправлю.

Царь-девица тем временем подалась вперёд:

— А ты сама пробовала его вызвать? Сосредоточься, представь лестницу или море. Может, получится.

— А если проход откроется по-настоящему? — тихо спросила Лебедь.

За столом стало заметно тише. Яга вспомнила мокрые камни под ногой и выставленную ладонь незнакомца.

— Вот именно. Я пока не знаю, что это, и не полезу неизвестно куда только потому, что всем любопытно.

Спор перешёл к объяснениям. Русалка винила воду и переменчивые осенние силы, Кикимора подозревала чужое колдовство, Царь-девица требовала найти виновного и приложить его ухватом, а Лебедь всё больше склонялась к мысли, что это не похоже ни на болезнь, ни на обычный морок. Яга слушала подруг и чувствовала странное облегчение. Ещё утром она боялась произнести вслух то, что с ней творится, а теперь вокруг сидели те, кто при всей своей склонности к нелепым решениям искренне хотел помочь. Они перебивали друг друга и несли чепуху, но никто не смотрел на неё как на сумасшедшую. Удивить кого-нибудь в Белолесье чудом было трудно. Здесь куда сильнее удивлялись, когда у чуда не находилось виноватого.

Предложение Лебеди провести осторожное очищение прозвучало уже после ужина. К тому времени Тихон накормил всех горячими пирогами, Кикимора окончательно отказалась от мысли парить Яге голову, а Русалка, получив твёрдый запрет на любые купания, ограничилась тем, что торжественно поставила на стол миску чистой воды.

Лебедь объяснила, что лечить никого не собирается. Она хотела только проверить, не осталось ли на Яге следов чужого колдовства, и для этого ей нужны были чистая вода, серебряная нить и несколько слов старого заговора. Яга согласилась не сразу: ей не нравилась мысль, что её магию будут проверять, будто неисправную печную трубу. Но Лебедь не пыталась убедить её в болезни, которой никто не нашёл, и это решило дело.

Чистой вода, впрочем, оставалась недолго. Русалка заявила, что колодезная не годится и нужна из её озера, и сбегала за ней, расплескав половину по дороге. Кикимора, улучив момент, бросила в чашу щепотку чего-то «для усиления», и Лебедь с ангельским терпением выловила это обратно ложкой. Царь-девица встала у кладовой с ухватом наперевес, на случай если гость всё-таки придёт оттуда. Тихон сел поближе к жене и, кажется, жалел, что не принёс верёвку.

Наконец стол отодвинули, на пол поставили неглубокую чашу, и в ней задрожали отражения свечей. Тонкая серебряная нить легла на воду ровным кругом. Лебедь встала напротив Яги, велела закрыть глаза и тихо произнесла несколько старых слов, от которых воздух в горнице едва заметно дрогнул. Яга почувствовала тепло на ладонях. Магия Лебеди была мягкой и прозрачной, как утренний свет над озером: она осторожно коснулась Ягиной силы, обошла её привычные потоки и вернулась к нити.

Нить не шелохнулась.

— Странно, — нахмурилась Лебедь. — Чужого воздействия нет. Никакого.

— Значит, здорова? — с надеждой спросил Тихон.

— Я не лекарь, Тихон. Но наведённого морока здесь нет.

Яга открыла глаза.

— Вот и прекрасно. Можно считать, что меня официально оправдали?

Лебедь не успела ответить. Вода в чаше потемнела. Сначала Яга решила, что это тень от свечи, но отражение потолка исчезло, и на поверхности проступили неровные камни, а за ними узкая дорога, уходящая между высоких тёмных стен.

— Девочки... — сказала Яга.

Все посмотрели на чашу, и в тот же миг серебряная нить, до сих пор спокойно лежавшая на воде, натянулась, словно её дёрнули с другого конца. Лебедь отступила на шаг. Царь-девица

в два прыжка оказалась рядом с Ягой. Кикимора вскочила, чуть не опрокинув лавку. Тихон, не разбирая, что происходит, шагнул вперёд и заслонил жену собой.

Далеко на каменной дороге кто-то шёл. Разглядеть его было нельзя, но тень приближалась, медленно и неотвратно, и чем ближе она подходила, тем сильнее дрожала нить. Яга узнала это чувство. То же самое она испытала, глядя на тёмную щель между домами: впереди было место, куда можно попасть, но саму возможность пройти кто-то держал.

Она невольно протянула руку.

— Не надо, — резко сказала Лебедь.

Яга замерла. По воде прошла широкая рябь, дорога исчезла, и серебряная нить с тихим звоном ударилась о край чаши.

Некоторое время все молчали. Потом из-за спины Царь-девицы осторожно выглянула Кикимора.

— Ну вот. А говорили, от моей настойки видения.

Русалка медленно опустилась на лавку.

— Я это тоже видела?

— Если ты видела дорогу, то да, — сказала Яга.

— Тогда мне срочно нужно выпить.

— Водички ? — участливо спросила Кикимора.

— Нет!

Тихон развернулся и крепко взял жену за плечи. Яга кивнула ему, хотя сама ещё не понимала, что произошло. До сих пор видения приходили только к ней, а теперь их увидели все. Значит, дело было не в усталости и не в Кикиморовых испарениях, и от этого стало одновременно легче и страшнее.

Лебедь долго разглядывала чашу, касаясь нити кончиками пальцев.

— Я не понимаю, — призналась она наконец. — Очищение ничего не должно было открывать. Я только искала на Яге чужую магию, а её нет.

— Тогда откуда дорога? — спросила Царь-девица.

— Не знаю.

Яга не любила таких ответов, особенно от тех, кто обычно прекрасно знал, что делает.

— Значит, будем искать дальше, — сказала она твёрже, чем чувствовала.

— Только не сегодня, — отрезал Тихон, не выпуская её руки.

Никто не возразил, даже Царь-девица. Лебедь собрала нить, Русалка вынесла воду во двор, а Кикимора, поколебавшись, оставила на столе маленький мешочек.

— Это не настойка, — поспешно объяснила она, поймав взгляд Тихона. — Под подушку. Чтобы спалось хорошо.

Яга понюхала мешочек и с удивлением обнаружила вполне приятный запах Melissa, лаванды и мяты.

— Спасибо, Кики.

— А ты думала, я только гадость всякую варю? — расплылась в улыбке Кикимора.

Яга благоразумно промолчала.

Подруги разошлись уже затемно. Лебедь задержалась последней, помогая прибрать кухню, и, когда Тихон вышел проводить остальных до калитки, тронула Ягу за руку.

— Это не болезнь, Ягусь. И не чужое колдовство. Но меня тревожит другое. Когда в воде появилась дорога, я почувствовала сопротивление. Не от тебя. Будто что-то не давало ей проступить яснее.

— Я тоже это чувствую. С самого первого раза.

— Помнишь, я говорила на Вече о старой дороге? — Лебедь помолчала. — Может, я ищу связь там, где её нет. Только не торопись с выводами. Иногда опаснее не то, чего мы не знаем, а то, что слишком рано решили понять.

Она обняла подругу и ушла. Вернулся Тихон, молча обнял жену сзади, положил подбородок ей на плечо и стал смотреть вместе с ней в темноту.

— Тиш, а если это не болезнь?

— Тогда хорошо.

— А если не колдовство?

— Тоже хорошо.

— А если вообще что-то, чего мы никогда не встречали?

Он подумал.

— Значит, встретили впервые.

Яга повернула голову и посмотрела на него.

— Ты хоть чего-нибудь боишься?

Руки Тихона чуть крепче сомкнулись вокруг неё.

— Боюсь, — сказал он. — Потерять тебя.

Он поцеловал её в висок и ушёл запирать дверь, а Яга осталась у окна. Вдалеке, за крышами и тёмными кронами, угадывался холм Свентовита. Ещё неделю назад она посмеивалась над легендой вместе со всеми. Теперь ей всё меньше нравилось чувство, будто где-то за краем привычного мира уже происходит нечто важное, о чём она пока ничего не знает и что, судя по всему, прекрасно знает о ней.

Глава четвёртая. Страница

К концу октября Белолесье окончательно погрузилось в приготовления к Самайну. По утрам над крышами стоял густой дым, на улицах пахло печёными яблоками, мокрой листвой и свежим хлебом, а у каждого второго двора кто-нибудь непременно занимался делом, которое ещё неделю назад спокойно могло подождать до весны. Чинили изгороди, вешали на ворота венки из сухих трав и спорили, какое угощение оставить предкам, чтобы те не обиделись и не начали являться по ночам с замечаниями о ведении хозяйства.

Самые жаркие споры кипели вокруг холма Свентовита. Раз уж нынешний Самайн обещал быть особенным, к четырёхликому богу потянулись любопытные: одни просто поглазеть, другие с яблоками, хлебом и последними осенними цветами, а третьи заранее договориться о благоприятном исходе. Свентовит, как всегда, молчал, что ничуть не мешало Белолесью приписывать ему самые разнообразные вкусы. Одна торговка уверяла, что древний бог благосклоннее к тем, кто приносит мёд, её соседка стояла за хлеб, а старый плотник, послушав обеих, заметил, что деревянному богу прежде всего не помешала бы хорошая пропитка от сырости.

Это едва не кончилось дракой. Вмешаться пришлось Тихону, и он долго объяснял, что Свентовита не надо ни мазать мёдом, ни поливать маслом, ни украшать гирляндами из сушёной рыбы.

— Праздник же, — возразила торговка, прижимая к груди горшочек. — Может, ему приятно будет.

— А ты сама любишь, когда тебя без спросу мёдом мажут?

Торговка задумалась, подозрительно покосилась на плотника, который уже начал ухмыляться, и решила тему не развивать.

Вечером Тихон, стаскивая у двери сапоги, с крайним недовольством сообщил жене, что теперь вынужден охранять Свентовита от чрезмерной народной любви.

— Я его с Буяна приволок, поставил как положено, всё было хорошо. А теперь один хочет ему шапку надеть, другой венок повесить, третья мёдом намазать. Ещё немного, и кто-нибудь предложит его женить.

Яга, сидевшая за столом с чашкой чая, расхохоталась.

— А что? Четыре лица, выбор большой. Глядишь, и невесты найдутся.

— Вот только тебя там не хватало, — буркнул Тихон, но тоже улыбнулся.

Он погрел ладони у печи и некоторое время молча смотрел в огонь. Яга видела, что он устал сильнее обычного. Последние дни Тихон старался не оставлять её одну надолго, хотя делал вид, будто просто решил заняться хозяйством поближе к дому, и даже в кузницу теперь бегал ненадолго, а если задерживался, непременно предупреждал.

С того вечера, когда все увидели дорогу в чаше, видения больше не повторялись, и Яга не знала, радоваться этому или тревожиться. Она перебирала в памяти старые заговоры, вспоминала всё, что когда-либо слышала о переходах между мирами, несколько раз осторожно проверяла собственную силу и не находила ничего необычного. И всё же не могла отделаться от чувства, что внутри неё что-то изменилось. Не вторглось извне, а будто проснулось после очень долгого сна. Чувство было настолько смутным, что она не решалась произнести его вслух даже про себя.

— Опять задумалась? — Тихон сел напротив.

— А мне теперь и думать нельзя?

— Можно. Только ты, когда думаешь, ложкой чай мешаешь, даже если чашка пустая.

Яга посмотрела на свою руку и обнаружила, что уже несколько минут добросовестно размешивает пустоту.

— Привычка.

— Угу. А ещё у тебя привычка говорить «всё хорошо», когда сама не знаешь, хорошо или нет.

Сказано это было спокойно, без упрёка, но у Яги неприятно кольнуло в груди.

— Я правда не знаю, что со мной, Тиш. И больше всего меня бесит именно это.

Тихон накрыл её ладонь своей.

— Раз не знаешь, значит, пока не знаешь. Узнаем.

— Ты всё так просто говоришь.

— А зачем сложно, если и так непонятно?

Возразить было нечего. Тихон ушёл проверить сарай, Ладушка давно сопела на печи, а Яга взялась за посуду. Тогда-то в дверь и постучали.

Стук был негромкий, но отчётливый: три раза, спокойно и терпеливо. Не торопливый, как у Кикиморы, которая начинала разговаривать ещё до того, как ей откроют, и не требовательный, как у Царь-девицы, привыкшей входить туда, где её непременно ждут.

На пороге стояла женщина в длинном дорожном плаще, потемневшем от сырости. Капюшон скрывал волосы, на плече висела потёртая сумка, какие бывают у людей, проводящих в дороге большую часть жизни. Возраст её не угадывался: тонкие черты, спокойные глаза, едва заметные морщинки у рта. Такие лица бывают у тех, кто много повидал и давно перестал удивляться.

— Доброго вечера, хозяйка. Не найдётся ли места для путницы?

Странников в Белолесье видали нередко, но под Самайн случайные гости вызывали у Яги чуть больше любопытства, чем обычно.

— Найдётся, — ответила она, отступая от двери. — Заходи, на улице холодно.

Избушка, дремавшая до этого, вдруг приподнялась на куриных ногах и дрогнула всем корпусом. Яга заметила это и удивилась: такой интерес Избушка обычно проявляла к тем, кто нёс что-нибудь вкусное или вёл себя подозрительно, а незнакомка не делала ни того, ни другого. Она просто сняла мокрый плащ, повесила его на крючок и огляделась так, словно вернулась в знакомое место после очень долгого отсутствия.

— Хороший у тебя дом.

— Спасибо. Только характер у него непростой.

— У хороших домов он часто бывает таким, — улыбнулась гостья.

Яга усадила её за стол, налила горячего чаю и придвинула пироги. Женщина сначала долго грела ладони о чашку, потом с явным удовольствием вдохнула запах выпечки.

— Давно я домашнего хлеба не ела.

— Тогда ешь. У нас голодными гостей не отпускают.

Яга не торопила её с расспросами: путники куда охотнее рассказывают о себе, когда их сначала накормят. Наконец гостья отставила чашку.

— Меня Страницей зовут.

— Так и зовут?

— А разве плохое имя? Когда долго ходишь по дорогам, прежние имена становятся тесными.

— Это смотря какие дороги, — усмехнулась Яга.

Страница посмотрела на неё внимательнее, но ничего не ответила.

Вернулся Тихон. Увидев за столом незнакомую женщину, он на миг остановился, но удивление быстро сменилось обычным гостеприимством, и он тут же отправился за лишней охапкой дров, чтобы ночью в доме было теплее. Страница проводила его взглядом.

— Добрый у тебя муж.

— Добрый. Пока не доведут.

— А доводят часто?

— В Белолесье? Постоянно.

Страница тихо рассмеялась, и Яга вдруг почувствовала, что ей легко рядом с этой женщиной. В той не было ни навязчивого любопытства, ни желания произвести впечатление. Она держалась просто, говорила спокойно и, кажется, замечала гораздо больше, чем показывала. Когда Ладушка заворочалась на печи и что-то пробормотала во сне, Страница посмотрела на неё и задержала взгляд чуть дольше, чем обычно смотрят на чужих детей.

За ужином разговор сам собой свернул к Самайну. Страница расспрашивала о холме и с заметным интересом узнала, что идола привезли с Буяна.

— Сам Тихон привёз? — уточнила она.

— А чего его там бросать было? — пожал плечами Тихон. — Дерево старое, лица целые. Жалко.

Страница долго смотрела на него, будто собиралась что-то сказать, но только кивнула.

— Иногда важные вещи оказываются на своём месте благодаря тем, кто просто не может пройти мимо.

Тихон смутился и занялся пирогом. А Яга вдруг подумала, что когда-то Свентовит казался ей просто необычной находкой мужа, которой нужно спокойное место на опушке. Теперь же всё Белолесье собиралось просить его об Истоках, и это совпадение почему-то показалось ей любопытным.

После ужина Тихон снова ушёл в сарай, Страница, не слушая возражений, помогла убрать со стола, и они с Ягой устроились у печи с травяным чаем. За окном шумел ветер, по стеклу шуршали сухие листья, во дворе поскрипывала Избушка.

— Ты ведь знаешь, что нынешний Самайн особенный? — спросила Страница, глядя в огонь.

— У нас теперь даже дети знают. Половина Белолесья собирается выяснять, от кого произошла, а вторая надеется, что первая после этого перестанет задавать глупые вопросы.

— А ты сама хочешь узнать свой Исток?

Ещё неделю назад Яга отшутилась бы, что ей вполне хватает живых родственников. Теперь вопрос почему-то не казался ей таким простым.

— Не знаю. Любопытно, конечно. Только я не очень верю, что можно прийти к деревянному столбу, попросить показать свой Род и получить ответ.

— А ты пробовала?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь, что нельзя?

— Я не говорю, что нельзя, — начала сердиться Яга. — Просто не вижу причин верить.

— Причины иногда появляются позже, чем возможность.

Яга собралась спросить, что это значит, но Странница уже открыла свою сумку. Внутри лежали несколько свёртков, перевязанных шнурами, старый нож в потёртых ножнах, деревянная коробочка и мешочек из плотной ткани, выцветшей до неопределённого серого цвета. Шнурок на горловине блестел от долгого употребления.

— Хочешь, погадаю?

— Мне? — рассмеялась Яга. — Я сама ведьма. Обычно это ко мне ходят с такими просьбами.

— Тем интереснее. Иногда полезно посмотреть на собственную дорогу чужими глазами.

— Что там?

— Руны.

— Давно гадаешь?

— Достаточно давно, чтобы перестать ждать от них удобных ответов.

Яга посмотрела на мешочек и вдруг поняла, что хочет согласиться. Гаданиям она не так уж верила, но после последних дней ей отчаянно хотелось хоть какого-нибудь ответа, пусть самого приблизительного.

— Ну давай. Посмотрим, что твои камни скажут.

Странница высыпала на ладонь несколько небольших камней, гладких и потемневших от времени. В углублениях резьбы сохранился тёмный пигмент, и знаки ясно читались при свечах. Яга узнала Старший Футарк. Кое-какие значения она знала, но знатоком рунического гадания себя никогда не считала. Странница же обошлась без всякой таинственности: освободила середину стола, отодвинула чашки и попросила Ягу подумать о том, что тревожит её сильнее всего. Вслух спрашивать не обязательно, главное, чтобы сама понимала.

Вопросов у Яги было слишком много: что с ней творится, откуда берутся чужие улицы и моря, кто держит закрытым тот проход, который она несколько раз почти видела, и при чём тут Самайн. Она закрыла глаза, пытаясь отделить главное, и вдруг поняла, что пугают её вовсе не видения. Пугало другое: будто она стоит перед чем-то важным, о чём должна была знать всегда, но почему-то не знает.

— Готова, — сказала Яга.

Странница подержала руны в сложенных ладонях и начала выкладывать их на стол. Первой легла Отала, #.

— Род. То, что принадлежит тебе не потому, что ты это приобрела, а потому, что оно было передано прежде твоего рождения.

— Ну, это сейчас у всех главная тема, — хмыкнула Яга. — Самайн на носу.

Странница не стала спорить и положила рядом второй камень. Пертро, #.

— Тайна. То, что скрыто и не может быть понято раньше своего времени.

— Уже интереснее.

Третьей легла Райдо, #, и на ней Странница задержала взгляд дольше.

— Дорога. Путь, переход. Иногда путешествие, которое начинается задолго до того, как человек понимает, что уже в него отправился.

У Яги похолодели пальцы. Она вспомнила каменную лестницу и человека с фонарём, тёмную щель между домами и солёный ветер из открытой кладовой.

Четвёртой была Иса, #. Странница положила её поперёк невидимой линии, соединявшей первые три руны, и некоторое время молчала.

— Остановка. То, что удерживает движение. Иногда нужная пауза, иногда преграда, которую обычным усилием не преодолеть.

— А если дорога закрыта? — Яга невольно выпрямилась.

— Тогда нужно понять почему.

— А если я не знаю?

— Значит, пока не время открывать.

Яга терпеть не могла ответов, которые звучат мудро, но ни на шаг не приближают к делу.

— Слушай, а если я спрошу, где эта дорога, ты мне тоже скажешь, что сначала надо понять, зачем она существует?

— Возможно, — улыбнулась Странница краешком губ. — Зато я не обещаю того, чего не знаю.

Последний камень она положила отдельно, чуть выше остальных. Ансуз, #. На этот раз она не торопилась. В печи потрескивал огонь, за окном прошелестел ветер, и пламя одной из свечей дрогнуло.

— Слово. Знание, которое передаётся голосом. Иногда ответ, который существует, но ещё не произнесён.

Яга смотрела на пять камней: род, тайна, дорога, остановка, слово. Для гадания на благополучие или ближайшие хлопоты сочетание было слишком странным, особенно после последних дней.

— И что это всё вместе значит?

Странница провела ладонью над рунами, не касаясь их.

— Твой Род хранит тайну, связанную с дорогой. На этой дороге стоит остановка. А ответ связан со словом, которое тебе ещё предстоит узнать.

— Это я и сама вижу. А подробнее?

— Подробнее руны не рассказывают. Ты хотела знать, что происходит. Теперь знаешь, откуда начинать.

— С Рода?

— С Истока.

— То есть ты предлагаешь мне пойти к Свентовиту?

— Я предлагаю тебе не упустить то, что выпадает раз в триста лет. И не откладывать. Второго раза при твоей жизни не будет.

— А если это просто старая легенда?

— Тогда ты проведёшь одну ночь на холме, задашь вопрос деревянному идолу и вернёшься домой. Не самая большая потеря в жизни.

Яга невольно рассмеялась.

— А если не легенда?

Странница собрала камни в ладонь, но, прежде чем убрать их, ещё раз посмотрела на Оталу.

— Тогда, может быть, узнаешь о себе то, чего давно не знала.

Тихон вернулся, когда руны уже лежали в мешочке, а Яга сидела у печи и смотрела в огонь. Он сразу заметил перемену в её лице, но при госте расспрашивать не стал: подкинул поленьев, поправил заслонку и предложил Страннице устраиваться на ночлег. Для неё приготовили маленькую гостевую комнату, Тихон принёс чистое одеяло, Яга поставила кувшин с

водой и свечу. Странница поблагодарила их так просто и искренне, что Яга растрогалась: эта женщина, видно, привыкла в дороге обходиться малым, и обычная домашняя забота казалась ей подарком.

У двери гостя задержала Ягу.

— Можно я тебе кое-что скажу? Не пытайся получить все ответы раньше, чем задашь главный вопрос. Мы часто ищем объяснение тому, что происходит сейчас, а начинать надо с того, что случилось очень давно.

— Ты что-то знаешь о моём Роде?

Странница не отвела глаз, но ответила не сразу.

— Я знаю, что у каждого Рода есть память. И не всё забытое исчезло навсегда.

— А если я узнаю что-нибудь такое, чего лучше было бы не знать?

— Тогда тебе придётся решить, что с этим делать.

Она пожелала спокойной ночи и закрыла дверь.

Тихон сидел на краю постели и стягивал сапоги. Яга села рядом, прижалась плечом к мужу и рассказала про гадание, про пять рун и про то, что Странница велела идти к Истоку, не откладывая. Названия рун не произвели на Тихона никакого впечатления.

— Значит, к Свентовиту надо. Ну и сходим.

— Тиш, ты понимаешь, что я могу там узнать?

— Нет.

— Вот и я не понимаю. А если у меня в Роду какие-нибудь страшные тайны?

— У всех тайны есть.

— А если очень страшные?

— Значит, очень страшные.

— Тихон!

— Ягусь, — он убрал волосы с её лица, — мне всё равно, кто у тебя там триста или тысячу лет назад жил. Я на тебе женился, а не на твоей родословной.

— Даже если мои предки окажутся ужасными людьми?

— А ты сама-то ужасная?

Яга честно подумала.

— Иногда.

— Вот видишь. И ничего, живём.

Она рассмеялась, обняла мужа и поцеловала, а потом он погасил свечу.

Ночью Яга проснулась оттого, что где-то далеко прозвучал голос, тихий, похожий на обрывок разговора за стеной. Тихон спал, за окном шумел ветер, в коридоре было тихо. Она накинула шаль и вышла.

Под дверью гостевой комнаты светилась тонкая полоска. Яга постучала, не дождалась ответа и осторожно заглянула. Свеча на столике горела ровно, постель была аккуратно застелена, сумка стояла у кровати, плащ висел на спинке стула, а самой Странницы не было. А на столике лежал маленький тёмный камень со знакомым знаком #. Отала. Яга взяла руну в руку. Камень был тёплым, будто его только что держали в ладони. Она положила его обратно и решила утром спросить, зачем гостя оставила его отдельно от остальных.

В коридоре снова послышались шаги, далёкие, словно доносились из другого дома, хотя, кроме них троих и Ладушки, здесь никого не было. Воздух едва заметно изменился, и на миг запахло холодным камнем, мокрой землёй и чем-то очень древним. Яга обернулась. В конце коридора, там, где всегда была глухая бревенчатая стена, темнела узкая щель. Сделать к ней шаг Яга не успела: щель затянулась, и на её месте снова оказались брёвна.

Яга вернулась в спальню, легла рядом с Тихоном и долго смотрела в темноту. Утром она поговорит со Странницей, и на этот раз загадками той не отделаться.

Утром Странницы в доме не оказалось. Комната была пуста, постель застелена, кувшин стоял пустой. Не было ни сумки, ни плаща, ни руны, которую Яга видела ночью. Она обошла двор, заглянула за Избушку, дошла до калитки, надеясь заметить фигуру на дороге, но улица была пуста, а на мокрой после ночного дождя земле у дома не нашлось ни одного свежего следа.

— Может, рано вышла, — пожал плечами Тихон. — Дорога дальняя.

— Не попрощавшись?

— Люди разные бывают.

— А ты не слышал, когда она ушла?

— Нет. Спал. Избушку спроси.

Яга вышла на крыльцо.

— Избушка, ты видела, как Странница уходила?

Избушка повернулась к хозяйке, немного подумала и осторожно переступила с ноги на ногу.

— Это что значит?

Избушка наклонила корпус в одну сторону, потом в другую и замерла с видом существа, которому есть что сказать, но которое для этого слишком хорошо воспитано.

— Понятно, — вздохнула Яга. — Очень содержательно.

— Может, она тоже не знает, — усмехнулся из дверей Тихон.

Яга смотрела на дорогу, уходившую между облетающими деревьями. Странница явилась ниоткуда, провела у них один вечер, разложила пять камней и исчезла до рассвета, не оставив даже следа на мокрой земле. Вопросов после неё стало вдвое больше, но одно Яга теперь знала точно. Она пойдёт к Свентовиту. Не из любопытства и не ради красивой легенды, а чтобы понять, почему перед ней начали открываться чужие дороги и почему одна из них так упорно остаётся закрытой.

Глава пятая. Канун

К утру Белолесье утонуло в тумане. Он стелился между домами, заполнял низины и цеплялся за ветви так упорно, словно собирался остаться до весны. На перилах крыльца выступил серебристый иней, последние листья на яблоньке потемнели и свернулись, но держались, хотя ветер который день убеждал их, что пора бы и честь знать.

Яга вышла на крыльцо с чашкой кофе. За огородами перекликались петухи, крыльцо чуть покачивало, потому что Избушка деловито разгребала куриной ногой опавшую листву у забора в поисках особенно привлекательных камешков. Зачем избе камешки, Яга не знала и давно перестала интересоваться: у каждого в Белолесье были свои маленькие слабости.

Исчезновение Странницы не давало ей покоя. Не то чтобы Яге не попадались люди, уходившие не прощаясь. Встречались и такие, кто исчезал куда эффектнее, прихватив чужие деньги, ценные вещи, а в особенно удачных случаях и чужих мужей. Странница ничего не взяла, не устроила скандала и оставила комнату в образцовом порядке. И всё же в её уходе было что-то неправильное, будто гостя не отправились дальше своей дорогой, а закончила заранее намеченное дело.

Из тумана у калитки возникла Кикимора, закутанная в огромный шерстяной платок, с корзиной в одной руке и длинной палкой в другой: палкой она тыкала в дорогу, проверяя, не прячется ли в тумане какая-нибудь неприятность.

— Ягусь! Я тебе пирог принесла. С грибами. Обычный! — добавила она, перехватив Ягин взгляд, и оскорблённо продемонстрировала румяный, вполне приличный пирог, в кото-

ром, клялась она, не было ни настоек, ни порошков, ни иных добавок, способных вызвать у окружающих необоснованные подозрения.

На кухне Тихон, приветливо кивнув, первым делом поинтересовался составом угощения. Кикимора возмутилась ещё раз, заявила, что в этом доме совершенно перестали доверять порядочным людям, и демонстративно отрезала себе самый большой кусок.

— Вот увидите, когда-нибудь мою выпечку признают во всём Белолесье, и вы сами ко мне прибежите.

— Если побежим, значит, ещё здоровы, — заметил Тихон, подвигая ей чашку.

Пришла она, конечно, не ради пирога, а с новостями. Белолесье уже вовсю собиралось выяснять родословные предков. Вчера на площади двое соседей чуть не подрались: один уверял, что у него благородная осанка и, значит, в роду были князья, а другой отвечал, что осанка у него оттого, что спину не разогнуть после прошлогодней стройки. Теперь оба собирались к Свентовиту, причём первый боялся оказаться потомком сапожника, а второй надеялся найти в роду разбойников: тогда хоть станет понятно, почему его всю жизнь тянет к чужим яблокам.

— А ты сам не пойдёшь? — спросила Кикимора у Тихона. — Вдруг там кто-нибудь знаменитый?

— Тогда пусть радуется, что у него потомок нормальный вырос, — пожал плечами Тихон.

Яга так расхотелась, что чуть не пролила кофе, и тут же поймала себя на том, что обычные разговоры о празднике перестали казаться ей обычными. Ещё недавно легенда об Истоках была просто красивой старинной историей. Теперь слова Странницы, пять камней на столе и чужие дороги в её собственном доме будто привязали её жизнь к приближающейся ночи, и эта привязка Яге совсем не нравилась.

После ухода Кикиморы Яга решила сходить к холму. Просить она ничего не собиралась, просто хотела постоять возле Свентовита и понять, почему мысли о нём возвращаются всё чаще. Тихон немедленно вызвался идти с ней.

— Я не маленькая, — заметила Яга, застёгивая плащ.

— Знаю.

— И не больная.

— Тоже знаю.

— Тогда зачем?

— Прогуляться хочу, — невинно сказал Тихон и, поймав её взгляд, честно добавил: — И охраняю. Немного.

Туман редел, открывая тёмные стволы и мокрую тропу, по которой с утра прошло уже немало народу. У холма былолюдно. Кто-то оставлял у подножия яблоки, кто-то поправлял венки, две женщины спорили, обращаться к Свентовиту вслух или можно мысленно. Подношений набралось столько, что Тихон неодобрительно покачал головой.

— Опять еды наташили. Если так пойдёт, тут мыши раньше предков соберутся.

Яга поднялась к идолу. При дневном свете Свентовит выглядел просто древним изваянием, которому давно пора бы навес от дождя: ни сияния, ни голосов, ни прочих признаков близости к Истокам. И всё же у неё странно заныло под рёбрами. Она протянула руку к дереву и остановилась на полпути. Легенда велела просить в саму ночь, не раньше и не позже, и что будет, если поторопиться, Яга проверять не захотела.

Она опустила руку и посмотрела вниз, на подношения, и вдруг замерла. Среди яблок, караваев и сухих цветов, у самого основания столба, лежал маленький тёмный камень. Яга присела и подняла его. Гладкий, потемневший от времени, со знакомым знаком, в резьбе которого сохранился тёмный пигмент.

#. Отала.

Камень был тёплым, хотя всё вокруг покрывал иней.

— Ну что? — подошёл Тихон.

Яга разжала ладонь. Тихон посмотрел на камень, потом на жену, потом на четырёхликого бога, который стоял над ними с тем же непроницаемым видом, что и всегда.

— Это Странницы ? — спросил он. — А как он сюда попал?

— Вот и я хотела бы знать.

Она хотела положить руну обратно, к остальным дарам, но пальцы не разжались. Яга подумала и опустила камень в карман. Если уж его оставили здесь для неё, решила она, то хозяйка как-нибудь объяснится. А если не для неё, пусть сначала скажет, для кого.

На обратном пути Тихон рассказывал, что собирается сделать с крышей сарая до первых снегов, а Яга слушала вполуха и всю дорогу держала руку в кармане, на тёплом камне. «Начинать нужно с того, что случилось очень давно,» сказала Странница. Похоже, кто-то очень настойчиво напоминал ей об этом.

К вечеру Белолесье начало готовиться к самой ночи. На площади развешивали фонари, на подоконниках выстраивали свечи для предков, у кузницы не смолкал звон: кузнец ковал подставки под светильники, которые Русалка заказала для берега своего озера, чтобы её прабабки, если вздумают навестить, не перепутали дорогу.

Царь-девица, которой поручили порядок на празднике, взялась за дело с привычным размахом: составила список мер, выставила охрану у холма и завела к Свентовиту очередь. Кикимора прибежала к Яге уже во второй раз за день: а если человек к Истоку собрался, а номер его не подошёл, а ночь кончилась? Вопрос был не таким уж глупым. Легенда ни словом не говорила, что делать, если желающих окажется больше, чем часов до рассвета. Кикимора предложила пускать по старшинству, но тут же сама и отказалась: первым тогда пойдёт Леший и до утра будет вспоминать, чего хотел спросить.

Последнее пятничное Вече перед Самайном вышло непохожим на обычные. Шутили, как всегда, но разговор то и дело затихал, и каждая задумывалась о своём.

Новость, впрочем, была. Царь-девица явилась с мечом.

— Нашёлся? — ахнула Русалка.

— У Горыныча, — мрачно сообщила Царь-девица. — Он им каштаны в костре ворошил. Говорит, лежал на крыльце бесхозный, а у него кочерга погнулась.

— А охранники Кощеевы куда смотрели?

— Охранники говорят, что меч, которым каштаны ворошат, оружием не является. Это теперь кухонная утварь. — Царь-девица с отвращением посмотрела на почерневшее лезвие. — Кощей их поддержал. Коза, говорят, даже служебную записку составила.

Отсмеявшись, разговор всё равно вернулся к главному. Русалка призналась, что хотела бы узнать, откуда в её роду взялась первая русалка. Кикимора мечтала найти среди предков знаменитых травниц. Царь-девица хотела знать, кто первым в её роду взял в руки меч, и, судя по взгляду на почерневшее лезвие, заодно спросить у него совета по хранению. А Лебедь тихо сказала, что в её семье есть старые истории, которые давно никто не может объяснить. Яга слушала и понимала, что для каждой из них эта ночь значит что-то своё, и каждая несёт к холму вопрос, который давно носит в себе.

— А ты, Ягусь? — спросила Русалка. — Что будешь спрашивать?

Яга сунула руку в карман и нащупала тёплый камень.

— Не знаю. Хочу разобраться с видениями. Только не уверена, что Исток мне в этом поможет.

— А ты не решай заранее, какой ответ должна получить, — сказала Лебедь.

— Ты прямо как Странница говоришь.

— Может, она была права.

Помолчали, слушая, как за окном шуршат последние листья. Потом Кикимора вдруг подняла голову.

— А если выяснится, что у меня в роду все были порядочные?

Царь-девица посмотрела на неё с нескрываемым удивлением.

— И что?

— Как я им в глаза смотреть буду?

Первой расхохоталась Русалка, за ней Яга, и напряжение наконец отпустило. Но когда подруги начали расходиться, Яга ясно почувствовала, что завтрашняя ночь уже стоит совсем близко, прямо за порогом привычной жизни.

Вечером перед Самайном Тихон долго возился во дворе, проверяя ворота, замки и крышу сарая. Яга смотрела на него из окна и улыбалась: она знала, что дело тут не в хозяйстве. Просто ему нужно было делать хоть что-нибудь полезное, пока вокруг творится столько непонятного. После ужина он сел у печи, вытянув ноги к огню, и Яга устроилась рядом.

— Тиш, завтра я пойду к Свентовиту. Просить буду сама, каждый за себя, ты же помнишь.

— Помню. Но проводить-то можно?

Просить за другого легенда запрещала, а прийти вместе — нет.

— Проводить можно.

— А если тебе там что-нибудь покажут?

— Посмотрю.

— А если не понравится?

— Тогда вернусь и расскажу тебе, какая у меня замечательная родня.

Тихон усмехнулся, но тревога из его глаз не ушла.

— Ягусь, только не пропадай.

У неё внутри что-то сжалось.

— Не пропаду, Тиш.

Он притянул её к себе и долго молча гладил по волосам. За окном сгущалась темнота, поскрипывала во дворе Избушка, ветер перебирал сухие ветви яблоньки. Яга не знала, что увидит завтра и получит ли ответ, и уж тем более не представляла, как деревянный бог объяснит ей чужие моря и каменные лестницы. Но впервые за все эти дни у неё было направление. Пусть оно и вело в неизвестность. Камень в кармане оставался тёплым всю ночь.

Глава шестая. Самайн

Утро Самайна выдалось на редкость ясным, что само по себе казалось подозрительным. После нескольких дней тумана и мелкого дождя небо вдруг очистилось, ветер стих, и солнце поднялось над Белолесьем такое золотое и приветливое, словно решило лично удостоверить, что к празднику всё готово.

Яга проснулась от запаха свежего хлеба. Подушка Тихона рядом была ещё тёплой, из кухни доносилось позвякивание посуды, потрескивание дров и негромкое ворчание хозяина на что-то, явно не оправдавшее его ожиданий. В обычный день она бы ещё понежилась под одеялом, но сон слетел, стоило вспомнить, какой нынче день. Тот самый, о котором неделями гудело всё Белолесье.

За окном на голых ветках яблоньки держалось несколько последних яблок, и Яга подумала, что надо бы попросить Тихона снять их до морозов. Мысль была настолько обыкновенной, что она рассмеялась вслух. Сегодня ей предстояло узнать, откуда пошёл её Род, а она думает о яблоках. Впрочем, с яблоками хотя бы всё было понятно. С предками дело обстояло значительно сложнее.

Тихон стоял у стола и пытался вытряхнуть из формы хлеб, который явно решил остаться там навсегда. На лице его было то сосредоточенное раздражение, с каким он встречал любой предмет, отказывавшийся выполнять своё предназначение.

- Хотел тебя завтраком удивить.
- Уже удивил. Ты чего с хлебом воюешь?
- Прилип.
- Маслом форму смазывал?

Тихон посмотрел на неё так, будто она открыла ему величайшую тайну мироздания.

- Нет.
- Тогда понятно.

Яга поддела корку ножом, перевернула форму, и хлеб послушно выпал на доску. Тихон наблюдал за этим с искренним уважением.

- И как у тебя всё просто получается?
- Опыт, Тиш. Я ведьма, между прочим.
- А я думал, хлеб печь умеешь.

Яга рассмеялась и поцеловала его. Завтракали у окна. Тихон собирался проверить светильники у холма и убедиться, что никто опять не привязал к Свентовиту очередное украшение, Яга обещала заглянуть к подругам. О том, что будет ночью, почти не говорили. Не потому, что забыли: просто оба понимали, что обсуждать неизвестное можно бесконечно, а яснее оно от этого не станет.

К полудню Белолесье напоминало растревоженный муравейник. На площади развешивали фонари и расставляли глиняные чаши для поминальных огней, на подоконниках выставлялись свечи для тех, кто сегодня придёт издалека, у порогов появлялись миски с кашей. Дети носились между взрослыми, изображая древних духов: один особенно вдохновенный дух уже напугал соседскую козу, другой проверял, умеет ли летать, сиганув с забора в кучу сухих листьев.

Горыныч устроился возле большого кострища и объяснял всем желающим преимущества драконьего пламени перед кремнём и огнивом.

- Во-первых, быстро, — говорила одна голова.
- Во-вторых, красиво, — добавляла другая.
- А в-третьих, потом опять всё чинить, — мрачно заканчивала третья, единственная из трёх, кто ещё помнил прошлый Самайн.

Проходивший мимо Кощей со списком в руках предупредил, что если праздничные украшения снова сгорят, восстанавливать их Горыныч будет за свой счёт.

— Да что ты всё о деньгах! — возмутилась первая голова.

— А счёт всё равно нам придёт, — вздохнула третья.

Яга смеялась вместе со всеми, и тревога последних дней ненадолго отступила. Белолесье оставалось Белолесьем, со всеми его нелепостями, шумом и удивительным умением превращать любое важное событие в коллективный беспорядок. Кикимора, в новом тёмно-зелёном платье и венке из сухих ягод, развешивала можжевеловые ветки над поминальными воротами.

— Ягусь, наконец-то! Всё готово, только Русалка опять хочет полплощади водой залить. Говорит, очищение нужно. А я ей объясняю, что у нас после дождей и так грязи по колено.

— А Царь-девица где?

— У холма. Порядок наводит. Уже троих из очереди выгнала. Один занимал место на всю родню, второй пришёл с табличкой «Первый», а третий хотел проход за деньги продавать.

— Ну, последний хотя бы предприимчивый.

— Вот она ему и объяснила, куда он может своё предпринимательство засунуть, — с огромным удовольствием сообщила Кикимора.

У холма Царь-девица стояла с мечом, на этот раз отчищенным от сажи, и с видом полководца, которому доверили оборону стратегической высоты.

— По одному! Без толкотни! Никаких просьб за соседей, родню и домашних животных! Каждый за себя!

Рядом Добромир терпеливо втолковывал пожилому мужику, что очередь не гарантирует результата.

— А если я попрошу деда показать?

— Просить надо отвести к своему Истоку. А что там увидишь, никто не знает.

— А если мне дед нужен?

— Тогда у деда и спросишь, если встретишь, — вздохнул Добромир, явно не в первый раз за вечер.

Чуть в стороне, ни с кем не разговаривая и не пытаясь протиснуться ближе, стояла молодая женщина со свёртком в руках и смотрела на Свентовита так, словно боялась, что не решится подойти. Яга подошла к ней сама.

— Первый раз к Истоку?

— Да. Я даже не знаю, как правильно просить. — Женщина смущённо улыбнулась. — А вдруг я узнаю что-нибудь плохое?

— Ты боишься узнать или боишься, что правда окажется не такой, как хотелось?

— Наверное, второго.

Яга помолчала, вспомнив Тихона и его «я на тебе женился, а не на родословной».

— Наши предки могли быть кем угодно: хорошими, плохими, умными, глупыми. Но жить-то теперь нам. И отвечать за их поступки своей жизнью не обязательно.

Женщина благодарно кивнула, а Яга отошла с неловким чувством. Давать советы другим оказалось удивительно легко, особенно когда сама совершенно не знаешь, что делать.

К вечеру солнце ушло за лес, оставив над кронами широкую медную полосу. На площади зажглись фонари, в окнах затеплились свечи, и по улицам потянулись люди в праздничной одежде. Пахло печёными яблоками, горячим мёдом и дымом, где-то играла музыка, а у большого кострища Горыныч наконец получил разрешение на свой номер, поклявшись не поджигать ничего, кроме приготовленных дров. Клятва далась ему нелегко.

Тихон ждал жену у крыльца, в чистой рубахе под широким кожаным ремнём, и выглядел так основательно и спокойно, что Яга сразу почувствовала себя увереннее. В корзине у двери лежали её дары: свежий хлеб, несколько яблок, мёд и пучок сухих трав. Что полагается при-

носить древнему богу, она не знала и решила, что простые вещи, выбранные с добрым намерением, подойдут лучше дорогих.

— Готова?

— Готова.

По дороге им то и дело попадались знакомые. Кикимора уже всем рассказала, что будет просить показать ей самых выдающихся травниц Рода, Русалка мечтала узнать, откуда в её семье ручалки, а Царь-девица, по слухам, собиралась выяснить, от кого унаследовала столь выдающиеся боевые качества.

— От характера, — заметил Тихон.

— Это ты ей сам скажи.

— Я жить хочу.

К холму они подошли, когда над лесом поднималась луна. Музыка с площади осталась за спиной, хотя до неё было рукой подать, а здесь люди говорили вполголоса, будто древний идол требовал особого уважения. Вдоль тропы горели светильники, освещая мокрую землю и деревянные ступени, которые Тихон вкопал накануне. Люди по очереди поднимались к Свентовиту, касались дерева, стояли молча и отходили: одни удивлённые, другие растерянные, но ни один не исчез в неведомых мирах прямо на глазах у публики.

У Яги колотилось сердце. Тихон заметил и сжал её руку.

— Не торопись.

Она сунула свободную руку в карман и нащупала руну. Камень был тёплым, как и весь этот день. Когда подошла её очередь, Яга глубоко вдохнула, взяла у мужа корзину и поднялась по ступеням.

Вблизи Свентовит казался ещё древнее. Глубокие трещины пересекали четыре суровых лица, местами дерево потемнело почти до черноты. Яга разложила дары у подножия и постояла, собираясь с мыслями. Она заранее придумывала, что скажет, перебирала в уме слова Странницы, руны и чужие дороги, но теперь все приготовленные фразы казались лишними. Она просто положила ладонь на холодное шершавое дерево и закрыла глаза.

— Свентовит, если правда, что в эту ночь можно прийти к своему Истоку, прошу тебя, отведи меня к моему. Я хочу узнать свой Род. И понять то, чего пока не понимаю.

Где-то далеко звучала музыка, ветер шевелил сухие листья, а под ладонью было старое дерево и больше ничего. Яга ждала минуту, потом другую, потом открыла глаза. Свентовит взирал перед собой с прежним деревянным величием.

— Ну? — нахмурилась Яга.

Ответа не было. Она оглянулась проверить, не смотрит ли кто слишком пристально, но внизу у ступеней стоял только Тихон и терпеливо ждал.

— Я, между прочим, серьёзно прошу, — сказала она идолу уже сердитым шёпотом. — Я сюда пришла, дары принесла, всё по правилам сделала. Так что ты уж будь добр, объясни мне по-человечески, что вообще за чертовщина со мной творится?

И тут она услышала голос. Не громовой и не торжественный, без всякого небесного сияния, а такой спокойный, будто рядом стоял кто-то и давал совершенно обыкновенный житейский совет:

— Иди спать.

Яга замерла.

— Что?

— Иди спать, — терпеливо повторил голос.

— Ты издеваешься? — Яга выпрямилась. — Я к тебе пришла в ночь, которая раз в триста лет бывает! Попросила показать Исток, а ты мне спать предлагаешь?! Да я и без тебя знаю, что ночью спать надо, мне для этого древний бог не требуется!

Одна из свечей у подножия тихонько треснула. Свентовит молчал так, как молчат те, кто считает разговор оконченным.

— Хоть бы объяснил по-человечески, — пробормотала Яга. — А то «иди спать». Прямо Тихон, когда я после полуночи книжку читаю.

Она подождала ещё немного, не дождалась ничего, развернулась и пошла вниз.

— Ну что? — спросил Тихон и, увидев её лицо, сразу насторожился.

— Он мне сказал идти спать.

Тихон моргнул.

— Кто?

— Свентовит!

Тихон медленно поднял глаза на идола.

— Прямо так и сказал? — Он помолчал и осторожно поинтересовался: — А ты не устала?

— Тихон, только попробуй!

— Всё, молчу, — поспешно поднял руки он, но уголки губ у него подозрительно дрогнули.

Всю дорогу домой Яга возмущалась.

— Триста лет ждали! Триста! Чтобы мне деревянный столб посоветовал выспаться!

— Может, он знает, что делает.

— Конечно, знает! Особенно как людям нервы портить!

— Ягусь, ну а вдруг действительно надо поспать?

Она резко остановилась.

— Ты с ним заодно?

Тихон не выдержал и расхохотался, и Яга, собиравшаяся обидеться всерьёз, сама невольно улыбнулась. Но раздражение никуда не делось. Она была готова к чему угодно: к видениям, голосам предков, очередной чужой дороге посреди опушки. Только не к тому, что древний бог отправит её в постель, как капризного ребёнка.

На площади ещё гуляли, но Яга возвращаться туда не захотела. Дома Тихон растопил печь, поставил чайник и некоторое время смотрел, как жена сердито воюет с узлом на поясе.

— Ягусь, не переживай ты так.

— Я не переживаю. Просто обидно. Может, вся эта легенда выдумка. Может, Страница наговорила красивых слов. А может, Свентовит решил, что я слишком много вопросов задаю.

— Тогда завтра задашь ещё.

— Кому?

— Мне. Я хоть отвечать буду.

Яга улыбнулась и уткнулась ему в плечо.

Тихон уснул быстро, утомлённый долгим днём. Яга ещё полежала, глядя в темноту. Руна, которую она так и не смогла оставить у подножия, лежала на подоконнике, и в лунном свете знак на ней чуть заметно поблёскивал. Возможно, всё было проще, чем казалось, подумала Яга. Возможно, ей и правда просто нужно было выспаться. Она повернулась на бок и закрыла глаза.

Сон пришёл быстро. Сначала ей показалось, что она снова стоит у Свентовита, только вокруг не было ни огней, ни людей, ни знакомой опушки, а лишь ровный сероватый свет, в котором нельзя было понять ни время суток, ни расстояния до горизонта. Потом перед ней легла тропа, старая, усыпанная сухими листьями, уходящая под своды переплетённых ветвей, и далеко впереди мерцал тёплый огонёк. Яга пошла на него.

Огонёк оказался окнами большого старого дома на просторной поляне, с широким крыльцом и огнём за стёклами. Изнутри доносились голоса, все сплошь женские. Несколько человек говорили разом, кто-то смеялся, кто-то возмущался, и один особенно зычный голос требовал, чтобы остальные перестали наконец друг друга перебивать. Яга остановилась у двери, и ей вдруг стало совершенно ясно, что внутри её ждут.

Она поднялась на крыльцо и толкнула дверь.

Посреди большой горницы стоял длинный стол, а за ним сидели двенадцать женщин. Все разные: молодые и старые, строгие и весёлые, одетые так, будто каждая явилась из своего века. На одной лежал тяжёлый плащ, на другой было простое льняное платье, третья позвякивала золотыми браслетами, а четвёртая сжимала в руках чашку и с явным раздражением что-то доказывала соседке. Судя по всему, спорили они уже очень давно.

Когда Яга вошла, разговор стих, и двенадцать пар глаз разом повернулись к ней. Одна женщина поднялась, другая удивлённо улыбнулась, а третья, с дальнего конца стола, облегчённо выдохнула:

— Ну наконец-то!

Яга обвела взглядом незнакомые лица, огромный стол и женщин, которые смотрели на неё так, будто ждали именно её и уже начали терять терпение.

— Что за нахер?! — выдохнула она.

Глава седьмая. Ковен

После Ягиного возмущённого восклицания за длинным столом стало тихо. Не совсем, конечно: потрескивали дрова, звякнула о край чашки ложечка, а одна из женщин, сидевшая у самого очага, продолжала невозмутимо жевать пирожок, с любопытством разглядывая гостью. Но разговоры смолкли, и двенадцать пар глаз смотрели на Ягу.

А Яга стояла посреди незнакомой горницы босиком, в одной ночной рубашке, с распущенными волосами, и чувствовала себя человеком, который открыл не ту дверь и попал на семейное торжество, о котором его забыли предупредить.

Горница была большая и тёплая, с потемневшими бревенчатыми стенами. Над широким очагом висели пучки сушёных трав, а вдоль стен теснились сундуки, лавки и шкафы, явно собранные из разных веков: на одном сундуке лежала аккуратно сложенная шерстяная шаль, на другом стояла бронзовая лампа с тонким носиком, у окна висело зеркало в почерневшей раме, а рядом красовался расписной глиняный кувшин откуда-то из очень дальних краёв. Стол, судя по всему, накрывали двенадцать хозяек сразу, и у каждой было своё представление о приличном застолье: деревянные миски соседствовали с серебряными кубками, у глиняного блюда с пирогами лежала ложечка с перламутровой ручкой, а над всем этим великолепием возвышался пузатый чайник, не подходивший решительно ни к чему.

А в дальней стене, за спинами женщин, Яга разглядела двери. Их было тринадцать, низких, старых, все разные. Двенадцать стояли просто прикрытыми, а тринадцатая, самая тёмная, была заложена тяжёлым засовом, который, судя по виду, никто не трогал очень давно. Но главным здесь были не двери и не стол, а женщины. Яга пересчитала их ещё раз в надежде, что ошиблась. Двенадцать. И ни одна не выглядела ни старухой, ни призраком: все сидели так уверенно, словно ждали её появления много лет и уже начали терять терпение.

— Ну наконец-то! — воскликнула пышная румяная женщина в медовом платье и вышитом переднике, с волосами, убранными под платок. — А мы уж думали, не дождёмся! Проходи, красавица, садись. Ты голодная?

— Я вообще-то сплю.

— Так я и спрашиваю, голодная ли, а не бодрствуешь ли!

— Любомира, — сухо заметила её соседка, худошавая и остроносая, — дай человеку сначала понять, куда он попал.

— Так за едой лучше понимается!

— У тебя всё за едой лучше понимается.

Яга подняла руку.

— Простите. Можно сначала выяснить, кто вы такие?

— Конечно, можно, — ответила высокая светловолосая женщина, сидевшая во главе стола, и поднялась.

Она была статной и красивой, с густыми светло-золотыми волосами, заплетёнными в тяжёлую косу, серо-зелёными глазами и сильными скулами. Простое льняное платье с тёмно-красной вышивкой и бронзовые серьги не нуждались ни в каком золоте: достоинства у неё хватало и без него. И было в ней что-то удивительно знакомое. Не черты лица, а манера держать голову, чуть шуриться, когда вопрос не нравится, и смотреть так, будто заранее предупреждаешь, что обмануть себя не дашь. Яга вдруг вспомнила, как сама смотрит на Тихона, когда тот уверяет, что топор «куда-то сам делся».

— Я Ярослава, Яра. Я первая ведьма нашего Рода.

У Яги что-то дрогнуло внутри.

— А остальные?

— Твои прародительницы. Все двенадцать.

— И вы... — Яга замялась, подбирая слово поделikatнее.

— Умерли? — подсказала с дальнего конца стола рыжеволосая женщина. — Да, дорогая. Это у нас общее семейное обстоятельство.

Несколько женщин рассмеялись. Яга не рассмеялась.

— А я тогда кто?

— Ты тринадцатая ведьма нашего Рода, — сказала Ярослава. — Последняя из нас, кто живёт сейчас.

Яга некоторое время смотрела на неё, потом медленно повернулась к столу.

— Так. Значит, я попросила Свентовита показать мне Исток, а он отправил меня на собрание покойных родственников?

— Не самое плохое решение, — заметила рыжая.

— Это смотря с какой стороны посмотреть!

— С нашей очень даже хорошее, — сообщила Любомира. — Садись, пока пирожки горячие.

— Они здесь не остывают, — проворчала остроносая соседка.

— Тем более садись!

Яге досталось место между Ярославой и невысокой круглолицей женщиной с ясными голубыми глазами, серебристыми прядями под платком и тёплой шалью на плечах. Не успела Яга опуститься на скамью, как соседка принялась устраивать её с таким рвением, словно рядом сидела не взрослая ведьма, а пятилетняя девочка, которую впервые пустили за общий стол.

— Вот сюда подушечку, Ягусенька, а то скамья жёсткая. И ноги подбери, от пола тянет. Не мёрзнешь? Шаль накинуть? А волосы-то распущены, спутаются! Я тебе гребень дам.

— У меня есть гребень.

— А я всё равно дам. Запасной пригодится.

Яга перехватила руку, уже потянувшуюся поправить ей ворот рубашки.

— Бабушка, я сама.

Женщина просияла.

— Ягусенька, давай бабушка сама!

— Бабушка, ты уже умерла!

— И что? Это мне теперь родным помочь нельзя?!

С дальнего конца стола грохнул смех.

— Добронег, оставь девочку в покое, — сказала рыжая. — Она только появилась, а ты уже собираешься её перепеленать.

— Я забочусь!

— Мы заметили, — сказала Яга, едва сдерживая улыбку.

Добронег удовлетворённо поправила шаль, но на всякий случай подсунула ей ещё одну подушку. Любомира тем временем поставила перед гостьей тарелку с четырьмя пирожками, и остроногая соседка немедленно отодвинула блюдо.

— Четыре сразу зачем? Может, она одного съест.

— А может, четыре!

— Продукты надо беречь.

— Мирослава, мы уже умерли! — возмутилась Любомира. — Сколько можно экономить?!

— Пока ты не перестанешь всё съедать.

— А кто вчера доел ореховый пирог? Я его только испекла!

— Он засыхал.

Они были до смешного разные. Любомира, пышная и румяная, с мягкими руками и хитроватыми добрыми глазами, переходила от восторга к обиде за одно мгновение. Мирослава, сухая, напряжённая, с тонкими губами и цепким взглядом, будто всё время пересчитывала, что вокруг можно унести, потратить или потерять. Волосы у неё были туго стянуты, добротное коричневое платье давно ношено, а на поясе позвякивала увесистая связка ключей.

— А ключи зачем? — поинтересовалась Яга.

Мирослава машинально прикрыла их ладонью.

— Чтобы запирать.

— А здесь есть что красть?

— При таком количестве родственников всегда найдётся.

— Особенно если кто-нибудь прячет последнюю банку мёда, — фыркнула Любомира.

— Она была не последняя!

— Потому что я нашла ещё одну!

— Которую я спрятала!

Яга откусила пирожок, чтобы не рассмеяться вслух. Пирожок оказался великолепным, и она честно в этом призналась.

— Вот! — расцвела Любомира. — А она говорит, что я зря продукты трачу! Я, между прочим, знаю, как сделать людей счастливыми.

На мгновение в глазах Мирославы мелькнуло что-то тёмное.

— Иногда счастье одного обходится слишком дорого другим, — тихо сказала она.

Любомира перестала улыбаться. Яга заметила это, но расспрашивать не стала. Похоже, здесь почти за каждой шуткой пряталась история, которую не принято вспоминать за столом.

— А я Златомира, — объявила крепкая ухоженная женщина в нарядном платье, с округлым лицом и аккуратно уложенными волосами. — И сразу хочу спросить: ты замужем?

Яга едва не подавилась.

— Замужем.

— Муж хороший?

— Очень.

— Характер какой? Бывают мужчины с прекрасным характером, пока не понадобится крышу чинить. А бывают угрюмые, зато хозяйственные. А дочь у тебя есть?

Яга насторожилась.

— Ладушка. А что?

— Да ничего. Большая уже?

— Достаточно большая, чтобы я не обсуждала замужество с незнакомой родственницей.

— Ну зачем же сразу так? — огорчилась Златомира. — Я только поинтересовалась.

— Оставь её семью в покое, — негромко сказала женщина рядом с ней.

— Я же добра желаю!

— Именно это ты всегда и говоришь.

Златомира производила впечатление женщины, способной устроить свадьбу, рассадить гостей, помирить родню и при этом проследить, чтобы никто не унёс серебряные ложки. Во взгляде у неё было непоколебимое знание того, кому какое счастье нужно. Её соседка была совсем другой: темноволосая, с прямыми густыми волосами и глубокими карими глазами, в светлом льняном платье с тёмно-синим узором и тонким золотом на запястьях. Сидела она прямо, но без напряжения, и в глазах у неё стояла печаль, которую обычной усталостью не объяснишь.

— Я Богумила, — представилась она. — Дочь Ярославы.

— А я её дочь, — Златомира кивнула на Богумилу. — Так что в устройстве семьи кое-что понимаю.

— Ты понимаешь, как устроить чужую семью, — поправила Богумила.

Златомира поджала губы и промолчала, а Яга решила, что история этой свахи заслуживает отдельного разговора.

— Ты откуда такая? — спросила она Богумилу, глядя на необычные украшения.

— Я долго жила в Египте.

— В Египте?! И как там?

— Жарко. Красиво. И люди задают богам не меньше вопросов, чем у нас. Боги иногда даже отвечают.

— Нормально отвечают или как Свентовит?

Богумила впервые рассмеялась по-настоящему.

— По-разному.

— Значит, везде одно и то же, — вздохнула Яга.

Милораду Яга заметила ещё с порога: изящная, с тёмно-каштановыми волосами в сложной причёске, безупречной осанкой и наблюдательными глазами, она выглядела так, будто даже после смерти не позволяла себе выходить к людям неподготовленной. Платье глубокого синего цвета, тонкая вышивка, а у локтя серебряное зеркальце, явно рабочий инструмент.

— Ты очень красивая, — сказала Милорада, внимательно разглядывая Ягу. — Только волосы стоило бы уложить иначе. И цвет платья тебе больше подошёл бы...

— Милорада, — предупредила хudoшавая женщина в серо-синем.

— Я просто заметила!

— Ты всегда просто замечает.

— А чем ты занималась? — спросила Яга.

— Красотой. Помогала людям видеть себя такими, какими они мечтали быть.

— Мороками, то есть?

— Иллюзиями, — поправила Милорада. — Хорошими, тонкими, тщательно выполненными. Не всякому повезло родиться с тем лицом, которое хочется иметь.

— А потом?

Милорада замялась.

— Потом иногда возникали сложности.

— Некоторые люди начинали верить, что отражение и есть их настоящее лицо, — тихо сказала женщина в серо-синем.

— Я прекрасно помню, что произошло! — резко повернулась к ней Милорада.

— Я знаю. Просто ты опять рассказываешь только красивую часть.

Говорила она спокойно, без осуждения. Тёмно-каштановые волосы, убранные назад, серые глаза, ни одного украшения, и такой внимательный взгляд, что Яге захотелось проверить, не думает ли она сейчас чего-нибудь неприличного. Женщина встретилась с ней глазами и едва заметно улыбнулась.

— Не беспокойся. Я Ведана, и мыслей я не читаю. Я чувствую то, что человек в себе прячет.

— Даже если он сам не знает?

— Особенно тогда.

— Удобно.

Ведана опустила глаза.

— Не всегда.

В голосе её было столько усталости, что Яга не стала продолжать.

Радослава представилась сама, не дожидаясь очереди.

— А я Радослава, дорогая. И сразу скажу: мне нравится твой муж.

Яга медленно повернулась к ней.

— Ты его даже не видела.

— Зато видела твоё лицо, когда ты о нём говорила.

Пышные каштановые локоны свободно падали ей на плечи, сливовое платье облегло фигуру, а живые глаза светились таким удовольствием от происходящего, словно вся жизнь, а заодно и смерть, была для неё бесконечным праздником.

— Любовь украшает женщину лучше всяких драгоценностей, — продолжила она. — Хотя от драгоценностей тоже отказываться не стоит.

— А если их дарят не от чистого сердца? — поинтересовалась Яга.

Радослава задумалась.

— Тогда надо сначала разобраться, насколько красив подарок.

— Безнравственность, — сухо произнесла женщина в закрытом тёмном платье.

Её волосы были тщательно убраны под покрывало, вытянутое лицо хранило строгость, а сжатые губы выдавали постоянную готовность к неодобрению. Сидела она так прямо, что Яге стало любопытно, не устаёт ли она даже после смерти.

— Что именно безнравственность? — уточнила Радослава.

— Такое отношение к любви. Оно должно быть возвышенным.

— У меня самое возвышенное! Иногда даже дух захватывает.

Женщина закрыла глаза.

— Господи, дай мне терпения.

— Зоряна, — заметила Ярослав, — ты вообще-то ведьма. Не жалуйся богам на родственниц.

Яга не выдержала и рассмеялась. Зоряна посмотрела на неё с укоризной.

— Я не осуждаю! Я за добродетелью слежу!

— А ты, бабуля, точно ведьма? Или тебя к нам из комиссии по нравственности прислали?

Радослава расхохоталась так, что Любомира чуть не уронила чашку. Даже Богумила улыбнулась, а Зоряна выпрямилась ещё сильнее, хотя казалось, что дальше уже некуда.

— Молодёжь совершенно перестала уважать нравственные устои.

— А ты совершенно перестала помнить, что такое удовольствие, — отозвалась Радослава.

— Я прекрасно помню!

— Тогда почему всегда такая недовольная?

Ведана вдруг подняла голову, и Зоряна мгновенно замолчала. Ведана опустила глаза в чашку. Похоже, некоторые семейные тайны здесь охранялись лучше, чем Кошечевы сокровища.

Рыжая поднялась из-за стола, откинула за спину волосы и подошла ближе. Волосы у неё были такие ярко-медные, что вспыхивали в свете очага, будто в них жил собственный огонь, а тёмно-зелёный дорожный плащ рядом с ними казался почти чёрным. Светлая кожа в веснушках, изумрудные глаза, дерзкая улыбка и при этом настороженный, всё замечающий взгляд. Стройная, подвижная, с лёгкой походкой человека, привыкшего много ходить пешком и не доверять незнакомым дорогам. Простое шерстяное платье, кожаный пояс и серебряная застёжка на плаще, выбранная явно не ради красоты. Рядом с золотой Ярославой она не меркла ничуть: у той красота была солнечная, у этой огненная.

— Я Шэнон, — сказала она и протянула руку.

Яга уставилась на неё.

— Как-как?!

— Шэнон.

— Это ирландское имя? Святой Патрик тут каким боком?!

Рыжая приподняла бровь.

— Никаким. Он вообще к нам без приглашения явился.

За столом дружно засмеялись.

— Ну прекрасно, — сказала Яга. — получается и ирландская родня у меня тоже имеется.

— Имеется. Причём весьма приличная.

— Это ты о себе?

— А о ком же ещё?

Яга пожала протянутую руку. Ладонь у Шэнон была тёплая и крепкая.

— И как тебя занесло в наш Род?

— Род у нас большой, не все ветви растут в одну сторону. Я выросла в Белолесье. А потом отправилась в Дублин.

— Зачем?

Лицо Шэнон чуть заметно изменилось.

— Отца искать.

— Нашла?

— Нашла. И выяснила, что некоторые родственники любят золото больше собственной крови. Он продал меня за семь золотых. Получил, правда, только три: остальное удержали в качестве налога.

Яга открыла рот и удивленно произнесла:

— С родного отца взяли налог? За то, что он продал собственную дочь?

— Представляешь? — Шэнон посмотрела на неё с почти нежной насмешкой. — А ты думала, отец у меня кто? Лепреккон, конечно. У них даже на подлость пошлина.

В изумрудных глазах на миг вспыхнул холодный огонёк.

— Но мы с ним ещё не договорили.

Яга вдруг почувствовала к этой яркой, дерзкой женщине неожиданную симпатию.

— Знаешь, мне кажется, мы с тобой поладим.

— Я тоже так думаю, — широко улыбнулась Шэнон.

Последней оставалась женщина у дальнего края стола. Она почти не участвовала в разговорах, но следила за всем. Высокая, сухощавая, с сильными чертами лица, тёмными волосами в серебряных прядях и глубокими серыми глазами, в строгом графитовом платье и со старинным серебряным браслетом на запястье. Руки её спокойно лежали на столе, но Яга заметила, что пальцы время от времени сжимаются так крепко, будто она пытается удержать что-то невидимое.

— Велимира, — представилась она. — Рада наконец познакомиться.

— Наконец? Вы все это говорите. Сколько вы меня ждали?

— Достаточно долго. Здесь время течёт иначе.

— Знать бы еще как, — вздохнула Яга. — У меня за последние дни столько загадок накопилось, что можно книгу писать.

— И название готовое, — хмыкнула Шэнон. — «Как Яга родственниц искала».

— Я вообще-то Исток искала!

— Ну вот, а нашла нас.

Яга рассмеялась. Велимира не улыбнулась.

— Яга, нам действительно нужно поговорить.

Было в её голосе что-то такое, что Яга отложила пирожок. Велимира посмотрела на Ярославу, и та медленно кивнула.

— Наша история началась очень давно, — сказала первая ведьма. — С моего поступка.

Она стояла у очага, и огонь золотил ей волосы. Смотрела она не на Ягу, а куда-то мимо, словно видела перед собой совсем другую горницу и людей, которых здесь не было.

— У меня была сестра. Бажена.

Имя прозвучало негромко, но за столом сразу стихло. Даже Любомира перестала жевать.

— Она тоже была ведьмой? — спросила Яга.

— Нет. — Ярослава долго молчала. — Я причинила ей страшную боль. Сделала то, чего не должна была делать, а потом уже не смогла исправить всего, что случилось. Бажена прокляла меня. И наш Род.

— За что?

— За предательство.

У Яги неприятно похолодело внутри. Ей хотелось расспросить подробнее, но, взглянув на лицо Ярославы, она поняла, что сейчас та всего не расскажет.

— И проклятие до сих пор действует?

— На весь Род, — ответила Велимира.

— Но вы ведь уже умерли.

— Смерть не всегда освобождает от последствий, — тихо сказала Богумила.

— А иногда оставляет человека наедине с тем, чего он так и не сумел исправить, — добавила Ведана.

— И что вы хотите от меня?

— Чтобы ты помогла нам вспомнить, — сказала Ярослава.

— Вы же помните друг друга.

— Иногда даже слишком хорошо, — заметила Шэнон.

— У каждой остались воспоминания, — объяснила Богумила. — Мы спорим, сопоставляем, пытаемся понять, что произошло. Но некоторые события будто выпали из общей истории.

— Я, например, прекрасно помню, как пекла один замечательный пирог, — вмешалась Любомира, — а вот для кого...

— Для целой деревни, — подсказала Мирослава.

— Нет, тот был другой!

— Ты столько пирогов испекла, что удивительно, как вообще хоть что-то помнишь.

— А ты помнишь каждую потраченную монету!

— Потому что кто-то должен!

Велимира дождалась, пока они утихнут.

— Мы теряем не только подробности. Исчезает связь между событиями. Мы знаем, что что-то случилось, но уже не помним, почему и к чему это привело. И с каждым годом становится хуже.

Яга вспомнила пять камней Странницы: род, тайна, дорога, остановка, слово.

— У меня тоже кое-что происходит, — сказала она и рассказала всё: про мокрую каменную улицу за спиной Русалки, про штормовое море в кладовой, про лестницу за тканями и человека с фонарём. Шэнон перестала улыбаться, Ведана подалась вперёд, а когда Яга дошла до серебряной нити Лебеди и дороги в чаше, Велимира заметно побледнела. Едва Яга упомянула человека на лестнице, она медленно поднялась с места.

— Он тебя видел?

— Мне так показалось. Даже хотел что-то сказать. А потом всё исчезло.

— И ты сама не пыталась пройти?

— Куда пройти? — удивилась Яга. — В стену? Или прямо в прилавок? Я, конечно, ведьма, но головой ещё дорожу.

Шэнон тихонько рассмеялась, но Велимира осталась серьёзной.

— Ты могла бы пройти. Если бы переход удержался достаточно долго, ты оказалась бы по ту сторону. Там, где была лестница. Или море. Или улица.

Яга медленно отложила недоеденный пирожок.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что это были не видения?

— Ты видела настоящие места, — ответила Ярослава.

— И где они?

— В разных местах, — сказала Велимира. — Возможно, и в разных временах.

Яга повернулась к Шэнон.

— Скажи, она сейчас серьёзно?

— Совершенно. Хотя я бы на твоём месте тоже сначала проверила, что у неё в чашке.

Велимира даже не улыбнулась.

— Яга, у тебя пробуждается дар переходов. Ты способна открывать дороги между пространствами и временами.

Сказано это было спокойно, почти буднично, а у Яги всё внутри похолодело. Мокрая улица, ветер с моря, ступени, уходящие вниз: всё это время она стояла на пороге совершенно настоящих мест.

— То есть я могла туда шагнуть?

— Могла, — подтвердила Ярослава.

— А обратно?

За столом стало тихо.

— Вот поэтому тебе пока не следует торопиться, — сказала Велимира.

— Прекрасно. Просто замечательно! У меня в кладовой открывается море, а я даже не знаю, как потом вернуться домой!

— Дар только просыпается, — объяснила Ведана. — Ты им пока не управляешь. Он откликается сам, на мысли, чувства или обстоятельства, которых ты ещё не замечаешь.

— А научиться можно?

— Можно. Но сначала нужно понять, как он откликается именно тебе.

— Значит, надо пробовать.

— Осторожно! — немедленно сказала Добронег. — Лучше сначала дома. И чтобы кто-нибудь рядом был.

— Бабушка, я сама разберусь.

— Разбирайся, Ягусенька, разбирайся! А бабушка рядом постоит. И поддержит. И подскажет...

— Добронег! — хором воскликнули несколько женщин.

Яга невольно улыбнулась, но тут же снова повернулась к Велимире.

— А почему он проснулся именно сейчас?

Велимира переглянулась с Ярославой.

— Мы ждали этого очень давно, — сказала первая ведьма. — Нам нужно попасть к Истоку.

— Так я же туда и просилась у Свентовита!

— И он привёл тебя сначала к нам, — ответила Богумила.

— Чтобы вы объяснили, куда идти?

— Чтобы мы смогли отправиться вместе, — тихо сказала Ярослава.

— Вместе? Вы же умерли.

— Наши тела умерли, — сказала Ведана. — Но память Рода ещё живёт. А дорога к Истоку может оказаться доступной не только телу.

— А без меня вы туда не попадёте?

— Не можем, — призналась Велимира. — Сами мы не способны открыть нужный переход.

Яга откинулась к стене. Странные дороги, руны Странницы, совет Свентовита идти спать, эта горница: всё вдруг начало складываться в одну картину.

— Значит, вы меня ждали потому, что я умею открывать переходы?

— Не только, — мягко сказала Ярослава. — Ты наша кровь. Тринадцатая. Последняя живая ведьма нашего Рода. И мы хотим, чтобы ты знала, откуда пришла.

— А ещё у нас есть небольшая семейная неприятность, которую давно пора исправить, — добавила Шэнон.

— Небольшая? — переспросила Мирослава.

— Ну, относительно вечности.

— Ладно, — сказала Яга. — Тогда скажите хотя бы, с чего мне начинать.

Велимира подумала.

— С наблюдения. Запоминай, когда появляется дорога, о чём ты в этот миг думаешь и что чувствуешь. Не пытайся сразу пройти. Сначала научись удерживать переход, потом закрывать его по своей воле.

— И обязательно научись возвращаться, — добавила Ярослава. — Открыть дорогу мало. Нужно знать, как попасть домой.

Это было куда полезнее всех прежних загадок.

— Значит, открыть, удержать, закрыть. Потом возвращаться.

— Именно.

— И не пробовать одной! — вставила Добронегга.

— У меня Тихон есть.

— Вот и прекрасно. Пусть присматривает.

— Он муж, а не нянька!

— Одно другому не мешает, — подмигнула Радослава.

Сначала Яга решила, что ей показалось. Пламя в очаге чуть потускнело, хотя дрова горели по-прежнему, голоса вокруг зазвучали глуше, словно из-за стены, а узор на скатерти перед ней поплыл. Она моргнула, горница снова стала чёткой, но ненадолго.

— Что это?

— Тебе пора возвращаться, — поднялась Ярослава.

— Но мы же только начали разговаривать!

— Сегодня ты пришла к нам впервые, — сказала Велимира. — Связь ещё непрочная.

— И что теперь? Я проснусь, а вы опять будете сидеть здесь и ждать неизвестно сколько?

— Не совсем, — сказала Шэнон. — Мы ещё увидимся.

— Вот опять загадки!

Ярослава взяла её за руку.

— Послушай. Ты должна вернуться к нам в первую ночь Йоля. Тогда связь будет крепче, и мы сможем говорить долго. А до того мы не оставим тебя одну. Но сначала нам нужно твоё обещание.

Никто больше не шутил. Мирослава забыла про свои ключи, Любомира про пирожки. В двенадцати парах глаз было ожидание, надежда и тревога, и Яга вдруг поняла, что эти женщины боятся. Боятся не её и не этой встречи, а того, что она исчезнет так же внезапно, как появилась, и они снова останутся одни со своими обрывками памяти.

— Хорошо, — сказала Яга. — Обещаю. В первую ночь Йоля я вернусь. Только учтите: я приду за ответами. И хочу услышать всю историю, даже если кому-то будет неприятно её рассказывать.

Велимира опустила глаза.

— Справедливо.

Она подошла к старому ларцу у очага, с потемневшими серебряными накладками и резной крышкой, и открыла его осторожно, словно внутри лежало что-то очень хрупкое. Мирослава немедленно придвинулась.

— Только аккуратно, это старинные вещи.

— Мы знаем.

— Я просто напоминаю.

— Ты напоминаешь уже несколько веков.

— Потому что иначе никто не бережёт имущество!

На тёмном бархате лежали два предмета. Первым было ручное зеркальце, овальное, в серебряной оправе с резной ручкой и растительным узором по краю, а на обратной стороне был выгравирован круг, разделённый на двенадцать частей, и в каждой стоял свой знак. Яга взяла его, и в стекле отразились её лицо, светлые волосы и огонь за спиной. Но стоило чуть повернуть зеркало, как в глубине мелькнуло чужое отражение. Яга резко обернулась.

— Привыкай, — усмехнулась Шэнон.

— Через него ты сможешь говорить с нами, — объяснила Велимира. — Возьми его в руки, сосредоточься и позови ту, с кем хочешь поговорить. Лучше по имени.

— А если я забуду имя? Я за одну ночь двенадцать родственниц получила, мне положено немного растеряться.

— После сегодняшнего вечера? Сомневаюсь, — рассмеялась Шэнон.

— Тогда начни с меня, — тут же предложила Добронег. — Я всегда отвечу, если что-нибудь понадобится.

— Не обязательно вмешиваться в каждое её дело, — заметила Ведана.

— Я не вмешиваюсь! Я помогаю!

Вторым в ларце лежал маленький серебряный напёрсток, старый, но прекрасно сохранившийся. По нему вился тонкий узор из переплетённых ветвей, а между ветвями Яга разглядела крошечные отметины. Она машинально сосчитала их. Тринадцать.

— Он тоже принадлежит нашему Роду, — сказала Велимира. — Надень.

Яга надела напёрсток на средний палец. Он сел так, будто был сделан по её мерке. Серебро сначала показалось холодным, но почти сразу согрелось, и по узору пробежал едва заметный отблеск, словно внутри металла на миг вспыхнула искра.

— А почему напёрсток?

— Потому что полезная вещь! — оживилась Любомира. — С ним и шить можно!

— Любомира, — устало сказала Мирослава, — это родовая реликвия.

— Так я и говорю, хорошая вещь!

Узор из переплетённых ветвей вдруг напомнил Яге корни, уходящие глубоко под землю.

— Он что-нибудь открывает?

— Не замки, — ответила Велимира. — Но иногда человеку нужно удержать тонкую нить, чтобы не потерять дорогу обратно.

— Ты сейчас опять загадками говоришь?

— Боюсь, что да.

— Хоть признаёшься.

Шэнон тихо рассмеялась, но Яга видела, что Велимира не шутит.

Горница поплыла снова, на этот раз сильнее. Пол под ногами потерял твёрдость, голоса отдалились, и Яга крепко сжала зеркальце.

— А как я вернусь в Йоль?

— Мы позовём тебя, — сказала Ярослава.

— А если не услышу? Если забуду?

— Не забудешь, — сказала Ведана с такой уверенностью, что Яга поверила.

Добронег уже тянулась поправить ей ворот.

— Ягусенька, только подарки не потеряй! И зеркальце заверни во что-нибудь мягкое, чтобы не поцарапалось.

— И приходи голодная! — крикнула Любомира.

— Не смей снова устраивать пир! — возмутилась Мирослава.

— Я для родной крови стараюсь!

— А я потом всё пересчитываю!

— Девочка, — вмешалась Зоряна, — помни, что достойное поведение...

— Не слушай её! — перебила Радослава. — Живи с удовольствием!

— Радослава!

— Что?!

Яга рассмеялась. Она стояла посреди тающей горницы, сжимая серебро, и смотрела на двенадцать женщин, которые спорили так увлечённо, будто впереди у них была целая вечность. И вдруг почувствовала тепло, которое шло не от очага, а от них: от этих шумных, упрямых, невозможных женщин, каждая из которых когда-то жила, любила, ошибалась и пыталась что-

то исправить. Она почти ничего о них не знала. Но это был её Род, и это чувство оказалось сильнее растерянности.

— В первую ночь Йоля! — напомнила Ярослава.

— Обещаю!

Последним, что Яга увидела, было лицо первой ведьмы: золотые волосы в свете огня и серо-зелёные глаза, полные надежды и тревоги. За её спиной на миг проступила тринадцатая дверь со своим тяжёлым засовом.

Потом всё исчезло.

Яга проснулась одна. За окном серело раннее утро, подушка Тихона была уже холодной, а из кухни тянуло дымком: он, как всегда, встал раньше. Руна Отала по-прежнему лежала на подоконнике.

Яга лежала, глядя в потолок. Сон был такой яркий, что подробности не таяли, как обычно бывает с утра: пироги Любомиры, ключи Мирославы, Добронег с подушками, рыжая Шэнон, золотая коса Ярославы, тринадцать дверей и засов на последней. «Ну и приснится же такое, — подумала она. — Двенадцать покойных бабок, и все с характером. Это всё Свентовит со своим „иди спать“. Выпалась, называется».

Она села, нащарила на лавке гребень и принялась расчёсывать спутавшиеся за ночь волосы. Прядь за прядью, как всегда, привычно, не глядя. На третьей пряди гребень звякнул обо что-то металлическое.

Яга опустила руку и посмотрела.

На среднем пальце она увидела серебряный напёрсток. Узор из переплетённых ветвей, тринадцать крошечных отметин, тёплое, будто живое серебро. И в ту же секунду она вспомнила всё, до последнего слова: обещание, данное Ярославе, и первую ночь Йоля.

Яга медленно отложила гребень, сунула руку под подушку и нащупала холодную серебряную оправу. Зеркальце было там, с резной ручкой и двенадцатью знаками на обороте.

— Тиш, — позвала она, и голос прозвучал непривычно тихо. — Тиш, иди сюда.

Тихон появился в дверях с полотенцем через плечо, взглянул на жену, потом на серебро у неё в руках.

— Это откуда?

— Я своих прародительниц видела. Во сне. Это они дали.

Он сел на край постели, осторожно взял её руку и повернул напёрсток к свету, провёл большим пальцем по узору.

— Хорошая работа. Старое серебро. Не вчера делали.

Яга невольно улыбнулась. Даже столкнувшись с необъяснимым, Тихон первым делом оценивал качество изготовления.

— Их двенадцать, Тиш. Все мои прародительницы. И все сразу.

— И что говорили?

Перед глазами у Яги встали Любомира с пирожками, Мирослава трясущаяся над каждой крошкой и Златомира, которая едва не принялась подыскивать ей нового мужа, даже не спросив имени нынешнего.

— Знаешь, у меня такая родня, что наше пятничное Вече рядом с ними собрание молчаливых отшельниц.

— Значит, в тебя пошли, — усмехнулся Тихон.

— Очень смешно. — Она посерьёзнела. — Только они не просто познакомиться хотели. Тиш, все эти улицы, море, лестница — это не видения. Это настоящие места. У меня просыпается дар открывать переходы. А им нужно к Истоку, и сами они туда попасть не могут. Им нужна я.

Тихон перестал улыбаться.

— И что теперь?

— Я обещала вернуться к ним в первую ночь Йоля. А пока велели учиться: открывать, удерживать, закрывать. И возвращаться. — Она подняла зеркальце. — А это чтобы с ними разговаривать.

— Прямо сейчас?

— Не знаю. Можно попробовать.

В стекле отразилось её заспанное лицо с растрёпанными волосами и Тихон за плечом, внимательно следивший за происходящим.

— Ярослава?

Ничего.

— Яра, ты меня слышишь?

По стеклу пробежала едва заметная рябь. Отражение потускнело, будто кто-то провёл по нему влажной ладонью, и в глубине оправы проступило другое лицо: светлые волосы и серозелёные глаза.

— Слышу, — сказала Ярослава.

Тихон медленно выдохнул.

— Работает! — ахнула Яга.

— Конечно, работает.

За плечом Ярославы мелькнула рыжая голова.

— Это Яга? Уже зовёт? Что случилось?

— Ничего, она зеркало проверяет.

— А, ну тогда передай, что я...

Шэнон попыталась протиснуться к стеклу, но кто-то сзади возмущённо потребовал освободить место. Тут же раздался голос Любомиры, интересовавшейся, позавтракала ли девочка, и Мирославы, заявившей, что нечего отвлекать всех по пустякам.

Яга расхохоталась. Тихон смотрел на зеркало с выражением человека, впервые в жизни встретившего предмет, который совершенно не поддаётся хозяйственной логике.

— Ягусенька, — донёсся из зеркала голос Добронег, — а кто это там рядом с тобой? Муж? Покажи поближе!

— Меня-то зачем? — насторожился Тихон.

— Знакомиться хотят, — объяснила Яга, уже откровенно веселясь.

В стекле появилась Добронег, прищурилась на Тихона и удовлетворённо кивнула.

— Хороший мужчина. Крепкий. Только ты, милый, смотри, чтобы она по утрам завтракала. А то вся в делах, вся в заботах...

— Бабушка, я прекрасно завтракаю!

— Вот и молодец. А ты, милый, тёплую рубаху не забывай. Осень всё-таки.

Тихон медленно повернулся к жене с совершенно серьёзным лицом.

— Ягусь, мне кажется, мы с твоей роднёй поладим.

— Только попробуй с ними против меня объединиться.

Из зеркала донёсся довольный смех, и в стекле наконец появилась Шэнон, сумевшая пробиться вперёд. Она весело подмигнула.

— Ну что, родственница, теперь веришь?

Яга посмотрела на рыжую в зеркале, на серебряный напёрсток на пальце и на мужа, который всё ещё пытался уложить происходящее в голову. Впереди было старое родовое проклятие, чужие стёртые воспоминания и дороги, открывающиеся там, где их быть не может. Но теперь у неё хотя бы появились родственницы, у которых можно спросить совета. Правда, судя по первому знакомству, советы грозили оказаться весьма разнообразными.

— Верю, — сказала Яга. — Только у меня к вам просьба. Когда я вас зову, давайте хотя бы по одной разговаривать.

В глубине зеркала кто-то громко возмутился, кто-то засмеялся, а Любомира снова спросила, поела ли девочка. Тихон покачал головой и поднялся.

— Пойду я завтрак готовить. А ты пока с бабушками договаривайся.

Яга посмотрела ему вслед, потом на зеркало, где двенадцать женщин продолжали говорить одновременно, вздохнула и устроилась поудобнее. До первой ночи Йоля оставалось ещё много времени, и спокойных дней, судя по всему, у неё больше не будет.

Глава восьмая. Проба

Тихон обнаружил, что жена собирается нарушить наставления двенадцати покойных прародительниц, примерно через полчаса после завтрака.

К тому времени он успел наколоть дров, принести воды, проверить засов на воротах и дважды выслушать из серебряного зеркала советы Добронегы о том, как следует одеваться осенью. Последнее оказалось самым утомительным: Добронегя никак не могла поверить, что взрослый мужчина способен сам решить, нужна ему тёплая рубашка или нет. Когда Тихон терпеливо объяснил, что работает во дворе и ему жарко, прародительница предложила хотя бы повязать шарф, а узнав, что шарфа у него нет, пришла в такое расстройство, что немедленно отправилась искать подходящий среди вещей в доме двенадцати. Яга наблюдала за этим с огромным, тщательно скрываемым удовольствием: Тихон, способный одним движением поднять бревно, совершенно терялся перед маленькой настойчивой женщиной из зеркала.

Теперь зеркало лежало на столе стеклом вниз. Рядом стояла остывшая чашка, лежали лист бумаги и перо, кончик которого Яга задумчиво покусывала уже несколько минут. На листе было выведено: «Открыть. Удержать. Закрыть. Вернуться». А ниже пятое: «Не пробовать одной». Яга посмотрела на последнюю строчку и решительно её перечеркнула.

— Ягусь, — раздалось у неё за спиной, — а чего это ты последнее зачеркнула?

Она вздрогнула, хотя прекрасно слышала, как он вошёл.

— Потому что оно мешает остальным четырём.

Тихон придвинул стул, сел напротив и некоторое время молча изучал жену. Яга старательно делала вид, что занята важными вычислениями, хотя на листе не было ни одной цифры.

— Куда собралась?

— Тихон, неужели женщина уже не может спокойно посидеть за столом и подумать о своём?

— Может. Только когда ты просто думаешь, ты чай пьёшь. А когда что-нибудь задумала, чай остывает, перо изгрызено и лицо такое, будто ты уже всё решила, а мне ещё предстоит узнать.

Яга покосилась на чашку. Чай действительно остыл.

— Невозможно жить с таким наблюдательным человеком. — Она вздохнула. — Я хочу открыть портал. Настоящий, по собственной воле. Не ждать, пока за дверью кладовой опять море появится, а самой выбрать место и перейти. В Новоград, например. Я там каждый камень знаю. Что может случиться в столице Белолесья?

Тихон посмотрел на зачёркнутую строчку.

— А бабушки что сказали?

— Бабушки много чего сказали. Если всё исполнять, мне придётся до конца жизни сидеть дома, завёрнутой в три шали, и питаться пирожками Любомиры. А брать с собой никого я не собираюсь. Зачем подвергать опасности других, если я сама не знаю, как это работает?

Тихон опёрся локтями о стол, и по тому, как медленно он потёр подбородок, Яга поняла, что сейчас услышит нечто основательное и крайне неудобное.

— А если не вернёшься?

— Вернусь. Я собираюсь научиться.

— Значит, пока не умеешь?

— Ты специально всё так поворачиваешь?

— Я спрашиваю.

— Тишенька, ну не могу же я всю жизнь бояться собственного дара!

— И не надо. Только между «не бояться» и «лезть неизвестно куда без страховки» есть разница. — Он поднялся и пошёл к двери.

— Ты куда? — насторожилась Яга.

— За верёвкой.

Она закрыла глаза. Ту самую верёвку Тихон предлагал ещё тогда, когда никто не понимал, что творится с миром, и, кажется, до сих пор немного обижался, что все тогда увлеклись серебряными нитями и чашами. Похоже, наступал его звёздный час.

— Тихон! Ты ведь не собираешься привязать меня к дому?!

Из сеней донеслось невозмутимое:

— К дому неудобно. До поляны далеко.

Яга уронила голову на руки и расхохоталась.

Место для опыта Тихон выбирал обстоятельно. Кухню он отверг сразу, оглядев печь, стол и шкаф с посудой: выяснять, можно ли случайно отправить в неизвестное время семейное имущество, он не собирался. Двор не годился из-за кур, одна из которых, особенно любопытная пеструшка, уже пыталась сунуть клюв в серебряное зеркало и едва не познакомилась с Мирославой. Огород отпал из-за капусты, берег пруда из-за Русалки, которая непременно пожелала бы поучаствовать, а у Избушки было слишком тесно для неизвестного магического сооружения. В итоге остановились на широкой поляне за садом, среди молодых берёз, со старым пнём посередине и поваленным стволом у края, на котором Яге было удобно сидеть, пока муж готовился.

Приготовления впечатляли. Тихон принёс длинную пеньковую верёвку, два деревянных кола, молоток, кожаный пояс, бурдюк с водой, мешок с едой и запасные рукавицы.

— А рукавицы зачем?

— Верёвка ладони натереть может.

— Кому?

— Мне. Держать же буду.

Яга представила, как муж стоит посреди поляны, удерживая за верёвку ведьму, которая в это время гуляет по столице, и невольно улыбнулась.

— Тиш, портал не колодец. Я не собираюсь туда падать.

— Вот и хорошо. А если что пойдёт не так, потяну обратно.

— А если он закроется?

Тихон на мгновение задумался.

— Постараюсь не дать.

— Руками?

— Посмотрим по обстоятельствам.

Спорить с ним, когда он обеспечивал безопасность, было бесполезно. В хозяйстве он мог уступить, с её мнением о погоде согласиться и даже признать, что неправильно понял очередную ведьмину затею. Но если Яге грозила опасность, Тихон превращался в того, кого не сдвинуть ни уговорами, ни угрозами, ни колдовством. Впрочем, именно за это она его и любила.

Он вбил первый кол у пня, проверил, крепко ли сидит, вбил второй, пропустил верёвку через кожаный пояс и обвязал Ягу поверх платья.

— Повернись. Теперь наклонись.

— Тихон, я не на ярмарке лошадей!

— Надо проверить, не давит ли.

Яга наклонилась, выпрямилась и развела руки.

— Ну как? Годна к путешествию?

— Годна, — постановил Тихон и привязал к верёвке маленький медный колокольчик.

— А это ещё зачем?

— Чтобы слышать, если дёрнется.

— Тишенька, если меня куда-нибудь начнёт утаскивать, я сама так заору, что весь Новгород услышит!

— Колокольчик надёжнее.

Яга рассмеялась, и вдруг под весельем шевельнулось волнение. До сих пор всё случалось помимо её воли: чужие улицы, море в кладовой, лестница посреди торговых рядов. Она могла только смотреть и удивляться. А теперь собиралась сама открыть дорогу и сама в неё шагнуть, а этого не делала ни одна из знакомых ей ведьм. Она машинально коснулась напёрстка на среднем пальце. Серебро было тёплым, будто уже привыкло к её руке.

— Ну что, Ягусь?

— Страшновато, — призналась она неожиданно для самой себя.

Тихон заправил ей за ухо выбившуюся светлую прядь и поцеловал в лоб.

— Тогда не торопись. Я здесь.

И почему-то после этих простых слов стало легче.

Новоград она выбрала не случайно. Столицу Белолесья Яга знала с молодости: бывала там по ведьмовским делам, летала за покупками, навещала знакомых и однажды даже разби- рала дело торговца, продававшего обычную болотную тину как редчайшее средство для омо- ложения. Когда Яга предложила испытать средство на нём самом, торговец внезапно вспомнил о срочных делах в соседнем городе.

Она закрыла глаза и представила главную торговую площадь: широкую мостовую, фонтан с тремя каменными рыбами, булочную с красной вывеской и длинные ряды лавок. Потом попыталась нащупать ту нить, о которой говорила Велимира. Ничего. Ветер шевелил траву, стучал дятел, за спиной позвякивал колокольчик. Яга нахмурилась и вспомнила лестницу за тканями: тогда она ничего не делала, просто смотрела, и пространство само раздвинулось перед ней. Может быть, дело вовсе не в усилении?

Она перестала ждать и снова представила площадь, только не картинку, а само место: прохладные камни под ногами, запах горячего хлеба, солнце на медных крышах, звон монет у меняльной лавки. И вдруг глубоко внутри что-то тихонько натянулось, будто невидимая нить протянулась от неё через леса и поля к далёкому городу. Яга осторожно потянулась за этим ощущением.

Воздух перед ней дрогнул, как марево над раскалённой землёй, и посреди поляны проре- залась тонкая вертикальная полоска света. Тихон перестал перебирать верёвку. Полоска рас- ширилась, края её замерцали мягким серебром, и внутри проступили каменные дома. Фонтан. Булочная. Прохожие. Женщина с корзиной яблок, мальчишка, торговец, громко обвиняющий покупателя в попытке сбить цену ниже человеческого достоинства. До поляны долетел запах горячего хлеба.

— Тиш, — прошептала Яга. — Получилось.

Тихон подошёл и осторожно протянул руку к серебристому краю.

— Не трогай! — вскрикнула Яга.

Он отдернул ладонь.

— Почему?

— Не знаю!

— Тогда чего кричишь?

— Потому что сама не знаю, что тут можно трогать!

Тихон серьёзно кивнул, признавая довод разумным, и отступил.

— Ну, теперь удерживай.

Яга сосредоточилась, края прохода перестали дрожать, город стал чётче и громче.

— Держу, — сказала она, чувствуя, как по телу разливается восторг.

— Теперь закрывай.

— Зачем?! Я его только открыла!

— А бабушки что велели?

— Открыть, удержать, закрыть, вернуться, — нехотя отчеканила Яга.

— Вот и делай по порядку.

Она хотела возразить и поняла, что он прав: если не сумеет закрыть портал здесь, на безопасной поляне, то где же тогда сумеет? Яга представила, как края сходятся, и пространство послушно дрогнуло. Площадь сузилась, фонтан скрылся за серебряной полосой, голоса стихли, и перед ней снова была обычная поляна со старым пнём.

— Закрыла, — сказала она со смесью разочарования и гордости.

— Теперь открывай ещё раз.

— Ты прямо наслаждаешься.

— Есть такое, — признался Тихон.

Во второй раз портал открылся куда легче. Яга уже знала, какое ощущение искать, и не пыталась заставить пространство силой: просто представила Новоград, почувствовала знакомое натяжение и позволила ему стать дорогой. Площадь возникла через несколько мгновений. Яга поправила пояс, проверила напёрсток и обернулась.

— Ну всё. Иду.

Тихон взялся за верёвку обеими руками.

— Медленно. Сначала одну ногу, потом другую.

— Спасибо, что объяснил. А то я за столько лет совсем забыла, как ходить.

Она шагнула. Воздух внутри оказался прохладным и плотным, словно проходишь сквозь тонкую завесу воды, которая не мочит одежду. Заложило уши, перед глазами мелькнули серебряные искры, на миг под ногами не стало ничего. А на втором шаге подошвы стукнули о каменную мостовую.

Солнце ударило в глаза. Рядом спорили две торговки, от булочной тянуло свежей выпечкой, мальчишка пытался оттащить козу от чужой капусты. Яга стояла посреди настоящего Новограда. Она обернулась: за спиной мерцал портал, а в нём виднелась поляна и Тихон, вцепившийся в верёвку с таким лицом, будто жена отправилась не в столицу, а на край света.

— Тиш! Я в Новограде!

— Вижу! Только далеко не отходи!

Яге хотелось подпрыгнуть, закружиться и объявить всему городу, что она сейчас сотворила. Но жители Новограда и так привыкли к ведьмовским странностям, а устраивать представление посреди рынка было необязательно. Она отошла на несколько шагов, проверяя, как идёт верёвка, и позади тут же звякнул колокольчик.

— Что там?! — донеслось с поляны.

— Ничего! Я к булочной!

— Зачем?!

— За доказательством!

Толстощёкая булочница, раскладывавшая горячие крендели, подняла глаза и расплылась в улыбке.

— Яга! Какими судьбами? Давненько не заглядывала!

— Сама пока не поняла какими. Дай-ка два кренделей, самых свежих.

Булочница завернула выпечку, взяла монеты и с любопытством посмотрела на верёвку, тянувшуюся от Ягиного пояса куда-то за спину.

— А это у тебя что?

— Муж.

— Где?

— На другом конце.

Булочница вытянула шею, увидела посреди площади серебристый проход, а в нём берёзы и высокого мужчину с верёвкой.

— Матерь божья!

— Не переживай, — успокоила её Яга. — Это семейное.

Булочница помолчала, переводя взгляд с портала на ведьму.

— А крендели-то хорошие?

— Отличные. Потому и беру.

Яга повернулась к проходу и обнаружила, что верёвка зацепилась за колесо телеги у булочной. Телега как раз тронулась, и возница, не подозревая ни о каких магических переходах, неторопливо направил лошадь к соседним рядам. Колокольчик отчаянно задребезжал.

— Ягусь! — донеслось с поляны. — Ты чего там делаешь?!

— Ничего! Сейчас!

Возница повернул, и пеньковый конец намотался на колесо ещё одним витком.

— Стой! — заорала Яга. — Телегу останови! Мужа моего утащишь!

Возница обернулся, посмотрел на пустую дорогу за телегой.

— Какого мужа?

— Вон того!

Он глянул туда, куда она показывала, увидел посреди площади лесную поляну с человеком на другом конце верёвки и так рванул поводья, что лошадь обиженно фыркнула. Тихон на поляне, почувствовав рывок, упёрся ногами в землю.

— Яга! Ты куда собралась?!

— Никуда! Это телега!

— Какая телега?!

— Обычная!

— Отцепляйся!

— Я пытаюсь!

Булочница всплеснула руками и позвала соседей. Вокруг телеги мигом собралась толпа, и каждый счёл своим долгом посоветовать что-нибудь разумное: перерезать верёвку, поднять телегу или сначала успокоить лошадь, которая явно не привыкла к таким обстоятельствам.

— Да отойдите вы все! — не выдержала Яга, воюя с узлом. — Я сама!

— Ягусь, стой на месте! — раздался решительный голос с поляны. — Я сейчас!

— Тихон, не надо!

Поздно. Тихон шагнул к portalу, натянутая верёвка дёрнулась, один кол выскочил из земли, и Тихон, пытаясь удержать равновесие, пробежал несколько шагов и замер у самого края прохода, широко расставив ноги.

— Тиш! — испуганно крикнула Яга.

— Всё нормально! — ответил он, хотя по лицу было видно, что происходящее нравится ему всё меньше.

Яга наконец стащила верёвку с колеса и поспешила обратно. Толпа расступилась перед ней с уважением, какое оказывают человеку, сумевшему за одну минуту устроить представление, остановить телегу и доказать, что муж действительно бывает на другом конце верёвки. Булочница сунула ей ещё один крендель.

— Возьми, милая. Мужу.

— Спасибо, — рассмеялась Яга. — Ему пригодится.

Обратный шаг показался почти привычным: короткая прохлада, пустота под ногами, и вот уже мягкая трава. Тихон сразу её обнял, крепко, почти сердито, и Яга почувствовала, как колотится его сердце, и перестала смеяться.

— Тиш, я вернулась.

— Вижу.

— Всё хорошо.

— Теперь вижу.

Она поцеловала его.

— Ну не сердись.

Тихон посмотрел на верёвку, которая лежала на траве длинной спутанной змеей.

— Я не сержусь. Только в следующий раз надо придумать что-нибудь получше.

— Например?

Он подумал.

— Верёвку покороче.

Яга уткнулась ему в плечо и расхохоталась.

Дома Избушка встретила их чрезвычайно заинтересованным покачиванием: наклонилась к Яге, словно приюхиваясь к незнакомым запахам, а потом и к свёртку с кренделями.

— Не суетись. Я просто в Новоград сходила. А крендели тебе всё равно ни к чему.

Избушка обиженно отвернулась.

На кухне Яга развернула крендели и вдруг заметила, что у неё слегка дрожат пальцы, хотя сама она чувствовала себя прекрасно. Все четыре правила выполнены, а пятое, если разобьётся, она почти и не нарушила: Тихон ведь был рядом, пусть и на другом конце верёвки. Довольная собственной логикой, она взяла зеркало.

— Ярослава?

Стекло затуманилось, и проступило лицо первой ведьмы. За её спиной Милорада что-то оживлённо втолковывала Зоряне, а та явно не желала соглашаться.

— Яга? Что случилось?

— Ничего плохого. Я попробовала. Портал.

В отражении немедленно возникла Велимира.

— Уже? И куда?

— В Новоград. А чего ждать? Вы же сами сказали учиться.

— Одна?

Яга подумала.

— Ну... не совсем. Со мной был Тихон.

— Он тоже прошёл?

— Нет. Он держал верёвку.

Обе прародительницы замолчали, и за их спинами раздался звонкий хохот. Шэнон протиснулась в зеркало, оттеснив Велимиру плечом.

— Верёвку?! Подожди, родственница. Муж привязал тебя к себе и отпустил гулять по чужим дорогам?

— Не к себе, — уточнила Яга. — К колышкам.

Шэнон схватилась за край стола.

— К колышкам?!

— А что такого? Очень разумная предосторожность.

— Я же говорила, одной нельзя! — донёсся из глубины голос Добронег. — Вот хороший мужчина, заботится!

— Добронег, верёвка не гарантирует безопасности при пространственном переходе, — заметила Велимира.

— Зато муж рядом!

Яга с удовольствием смотрела, как прародительницы заводятся. Она уже поняла, что достаточно подкинуть им хороший вопрос, и можно некоторое время вообще не участвовать в разговоре. Но Ярослава быстро вернула всех к делу.

— Ты сама выбрала место? И портал открылся именно туда?

— Именно. Я даже крендели принесла. — Яга подняла свёрток к стеклу.

— Вот это я понимаю, путешествие с пользой! — присвистнула Шэнон.

— А закрыть удалось? — спросила Велимира.

— Дважды. Один раз до перехода, для проверки. Потом открыла снова, сходила, вернулась и закрыла окончательно.

Велимира медленно кивнула.

— Хорошо. Очень хорошо.

У Яги от гордости даже щёки потеплели.

— Значит, я всё правильно сделала?

— Почти, — сказала Ярослава. — Только помни: один удачный переход ещё не значит, что ты владеешь даром.

— Конечно, я понимаю, — легко согласилась Яга, и по её лицу было ясно, что понимает она это несколько по-своему.

Велимира это заметила и хотела что-то добавить, но в зеркало уже протиснулась Любомира и потребовала показать крендели поближе, поскольку по их виду можно определить, соблюдают ли в Новограде старинные рецепты. Яга позволила ей обстоятельно оценить выпечку и только потом попрощалась.

Когда стекло опустело, она ещё долго сидела, разглядывая своё отражение. Ей было удивительно хорошо, будто внутри открылась дверь, за которой всю жизнь ждало что-то огромное. Ступа, Горыныч, верховая лошадь, просто дорога: все прежние способы путешествовать требовали времени, сил, а иногда и немалого терпения. А теперь достаточно было представить место и сделать шаг. Возможности казались безграничными.

Вечером Тихон нашёл её на широкой лавке у окна. Яга сидела, поджав ноги, с зеркалом на коленях, но никого не звала, только водила пальцем по двенадцати знакам на обороте. Он поставил рядом кружку горячего травяного чая и сел.

— О сегодняшнем думаешь?

— До сих пор не верится. Я ведь правда была в Новограде, Тиш. Ходила по площади, разговаривала с булочницей, покупала крендели. И всё это за несколько мгновений. Представляешь, сколько теперь можно увидеть?

Тихон посмотрел на неё. В её голосе звучал тот самый восторг, который он хорошо знал: так она говорила, когда придумывала что-нибудь небывалое, находила старинную книгу с забытым заговором или собиралась туда, куда здравомыслящие люди предпочитали не соваться. Он любил этот огонёк в её глазах. И немного его побаивался.

— Только не забывай, Ягусь, что сегодня всё вышло, потому что место знакомое. А если захочешь куда подальше?

— Тогда сначала подумаю.

— Хорошенько?

— Очень хорошенько, — улыбнулась она и положила голову ему на плечо.

— А то я ведь за тобой пойду.

— С верёвкой?

— С двумя, — серьёзно ответил Тихон. — Одну сегодня чуть не потеряли.

Яга рассмеялась и прижалась к мужу. За окном совсем стемнело, в доме пахло дровами, травяным чаем и новоградскими кренделями. Всё было привычным, тёплым и родным. А где-то далеко за лесами и морями лежали города, где Яга ещё никогда не бывала, и теперь между ними и её домом оставался всего один шаг.

Глава девятая. В Париж!

До Йоля оставалось совсем немного, и Белолесье постепенно впадало в то особенное предзимнее состояние, когда каждая приличная хозяйка вдруг обнаруживала, что у неё нет половины необходимого для праздника, зато имеется три мешка того, что она покупала в прошлом году по той же причине. На рынке торговали сушёными грибами, орехами, свечами, тканями и обещаниями доставить всё остальное до первого снега. Обещания пользовались наибольшим спросом, поскольку ничего не весили, места не занимали и позволяли торговцам спать спокойно до тех пор, пока покупатели не приходили требовать обещанное.

В доме подготовка к празднику тоже шла полным ходом. Тихон с утра чинил полку в кладовой, а Яга разбирала сундук с праздничными нарядами и всё сильнее убеждалась, что надеть ей совершенно нечего. Это открытие повторялось перед каждым праздником и неизменно вызывало у Тихона недоумение, поскольку сундук был настолько велик, что однажды в нём потерялась Кикимора. Нашли её через четверть часа, довольную, в чужой шали и с банкой варенья, которую Яга искала с прошлого лета.

К пятнице выяснилось, что праздничные хлопоты имеют ещё одно полезное свойство: о них можно говорить бесконечно, не совершая при этом ни единого полезного действия. Именно этим и собирались заняться подруги на очередном пятничном Вече.

Царь-девица уехала по государственным делам, а Русалка с наступлением холодов перебралась под лёд, так что за привычным пятничным столом собрались шестеро: Яга, Василиса Премудрая, Марья Моревна, Елена Прекрасная, Кикимора и Царевна Лебедь. Последняя явилась с небольшим опозданием, извинилась так изящно, что никто не решился выразить недовольство, и принесла коробку засахаренных каштанов. Кикимора немедленно объявила, что каштаны прекрасно сочетаются с солёными огурцами, и потребовала проверить это утверждение опытным путём.

Василиса, раскладывая на столе образцы тканей, попросила хотя бы до чая не превращать Вече в исследовательскую лабораторию.

— А ты тогда зачем свои тряпочки разложила? — поинтересовалась Кикимора, уже отправив в рот каштан и кусочек огурца. Она задумчиво пожевала, прислушалась к ощущениям и потянулась за следующим. — Между прочим, сочетание интересное. Сначала сладко, потом кисло, потом хочется ещё.

— Это называется отсутствие вкуса, — заметила Елена, осторожно убирая подальше от мокрой огуречной тарелки отрез тёмно-синего бархата. — А ткани я попросила Василису принести, потому что собираюсь шить новое платье к Йолю. И, если честно, ничего приличного у нас сейчас не купить. Всё либо унылое, либо блесит так, будто его предназначили для царского скомороха.

Марья Моревна, сидевшая у печи с чашкой крепкого чая, оглядела образцы и выбрала самый плотный.

— Вот этот хороший. Не мнётся, не просвечивает, и если кто-нибудь за рукав схватит, сразу не порвётся.

Елена посмотрела на неё с искренним состраданием.

— Марья, дорогая, я собираюсь на праздник, а не брать крепость.

— Одно другому не мешает. Ты видела, что у нас творится на праздниках? В прошлый Йоль Кикимора зацепилась юбкой за скамью и утащила за собой половину стола.

— Потому что кто-то поставил скамью в совершенно неподходящем месте, — возмутилась Кикимора. — Я до сих пор считаю, что виноват плотник.

— Скамья стояла там тридцать лет.

— Вот именно! Пора было переставить.

Лебедь, которая с интересом рассматривала серебристо-серый шёлк, заметила, что праздничное платье всё-таки должно быть красивым, а не только пригодным для внезапной осады. Елена благодарно кивнула и принялась объяснять, что нынешняя мода совершенно утратила чувство меры: рукава то делали такими широкими, что в них можно было спрятать младенца, то сужали настолько, что женщине приходилось выбирать между красотой и возможностью поднять руку.

— Я бы выбрала возможность поднять руку, — сказала Марья.

— Мы уже поняли, — отозвалась Елена. — Ты бы ещё к платью щит заказала.

— А что? Добромир как раз новый делает.

Василиса тем временем записывала что-то в маленькую книжечку. У неё имелась отдельная тетрадь для праздничных приготовлений, в которой прошлогодние расходы были аккуратно сопоставлены с нынешними ценами, а рядом стояли замечания о качестве покупок. По её подсчётам, если заранее распределить расходы и не покупать ничего лишнего, к Йолю можно было подготовиться без особых затруднений.

— Ты это Кикиморе расскажи, — посоветовала Яга, разливая чай. — Она вчера купила четыре корзины грибов, хотя сама живёт в болоте.

— Это были редкие грибы! — возразила Кикимора.

— Какие именно?

— Продавец не сказал. Потому и редкие.

Яга улыбнулась, поставила чайник и устроилась на своём месте. Она уже некоторое время слушала подруг с тем особенным выражением, которое Тихон за долгие годы научился распознавать безошибочно. Обычно после него в доме появлялось что-нибудь новое, исчезало что-нибудь старое или выяснялось, что на ближайшие три дня у всех изменились планы.

— Девочки, — произнесла она, дождавшись, когда Елена закончила жаловаться на местных портных, — а зачем нам вообще покупать ткани здесь?

Василиса подняла голову от записей.

— Потому что мы здесь живём. Это, как правило, достаточная причина.

— Я не об этом. Если уж покупать наряды к Йолю, так можно съездить туда, где люди в них действительно разбираются.

Елена заинтересованно выпрямилась.

— Например?

— Например, в Париж.

Кикимора, собиравшаяся взять последний каштан, замерла с протянутой рукой. Марья перестала размешивать чай, а Лебедь посмотрела на Ягу с любопытством, которое она обычно проявляла лишь к чему-нибудь действительно необычному.

— В Париж? — переспросила Елена. — Ты предлагаешь нам ехать в Париж? Сейчас? Перед Йолем?

— А почему бы и нет?

— Потому что это далеко, и к Йолю мы не успеем вернуться — ответила Василиса, подозревая, что разговор сворачивает куда-то не туда. — До праздника осталось слишком мало времени для путешествия. Раньше надо было соображать.

Яга загадочно улыбнулась.

— А если я скажу, что мы можем оказаться там за одну минуту?

Василиса медленно положила перо. Елена открыла рот, но ничего не произнесла, а Марья, внимательно посмотрев на хозяйку, отставила чашку.

— В смысле??

Яга с удовольствием рассказала о своём первом самостоятельном путешествии. После Самайна, когда она впервые встретилась с двенадцатью прародительницами и узнала о новом даре, ей не давала покоя мысль, что способность открывать дороги можно использовать вполне

сознательно. Она выбрала Новоград, сосредоточилась, открыла проход, шагнула через него и действительно оказалась там, где собиралась. Погуляла, купила кренделей, проверила, что не спит и не бредит, после чего тем же способом благополучно вернулась домой. Про верёвку, колышки и телегу она из скромности умолчала.

— И всё? — недоверчиво спросила Марья, когда Яга закончила. — Просто открыла дверь и пошла?

— Ну не совсем дверь. Скорее проход в воздухе. Красивый, между прочим, серебристый. Я даже подумала, что надо будет попробовать сделать такой между спальней и баней. Зимой очень удобно.

— Только не надо твои переходы в быт укоренять — донёсся из соседней комнаты голос Тихона.

Женщины обернулись. Тихон сидел за столом у окна и точил ножи. Он явно слышал весь разговор, но до сих пор благоразумно не вмешивался.

— Почему? — спросила Яга.

— Потому что в прошлый раз, когда ты решила сократить дорогу до погреба, мы три дня искали крышку от бочки.

— Это была совсем другая магия!

— Вот я и надеюсь, что эту ты сначала где-нибудь подальше проверишь.

Яга хотела возразить, но вовремя вспомнила, что как раз собирается предложить подругам путешествие, и решила не отвлекаться на семейные разногласия.

Елена уже сияла. Возможность оказаться в Париже без утомительной дороги, гостиниц, пересадок и необходимости объяснять чужим таможенникам содержимое своих сундуков казалась ей почти неприлично заманчивой.

— Представляете, девочки, мы могли бы к обеду вернуться с новыми платьями! — сказала она, придвигая к себе образцы тканей. — А может быть, даже успели бы заказать что-нибудь у настоящего парижского мастера. Хотя нет, за один день не сошьют. Зато можно купить готовое, подобрать перчатки, туфли, украшения...

— А я бы в Милан поехала. На распродажи. — неожиданно сказала Лебедь, аккуратно складывая шёлк. — Там лучше и ткани и обувь. В соответствии с новыми трендами.

— В Милан тоже можно, — согласилась Яга, которую собственные возможности начинали всё больше восхищать.

Марья задумчиво посмотрела на свои сапоги.

— Мне бы хорошие кожаные перчатки. Такие, чтобы не расходились по швам после первой же тренировки.

— Марья, в Париже перчатки покупают для красоты, а не для того, чтобы ими по железу колотить, — заметила Елена.

Марья с недоумением оглядела свои руки.

— А мои что, некрасивые?

Елена открыла было рот, но передумала и предпочла налить себе ещё чаю. Спорить с Марьей о красоте рук, которыми та могла согнуть подкову, было занятием не только бесполезным, но и утомительным.

Кикимора, до этого молчавшая с необычной для неё сосредоточенностью, спросила, продают ли во Франции сыры.

— Конечно, продают, — ответила Василиса.

— А большие? Чтобы целиком нести было тяжело.

— Кикимора, мы собираемся за праздничными покупками, а не за продовольственными запасами на осаду.

— Вот потому у тебя в доме и нечего поесть, когда неожиданно приходят гости.

— У меня всегда есть еда!

— Есть. Но ты её считаешь.

Василиса возмущённо выпрямилась, однако Елена уже увлечённо рассказывала о парижских модных домах, и спор о запасах пришлось отложить. Очень скоро выяснилось, что у каждой из подруг имеются собственные представления о том, ради чего стоит пересекать полмира. Елена мечтала о платьях, Лебедь о тончайших тканях и перчатках, Марья о добротной коже и удобной обуви, Кикимора о сырах, сладостях и вообще обо всём, что можно попробовать до покупки. Василиса желала попасть в книжную лавку, причём непременно такую, где продавец способен объяснить происхождение рукописей, а не просто уверять, будто каждая из них принадлежала древнему мудрецу.

Яга же хотела всего понемногу. Но больше всего ей хотелось снова открыть портал и убедиться, что теперь она действительно может путешествовать куда угодно. После первой удачи её не покидало приятное ощущение, будто мир вдруг сделался гораздо меньше, а все его дороги терпеливо ожидали, когда она наконец ими воспользуется.

Спор о Милане и Париже разгорелся нешуточный. Елена утверждала, что Париж необходимо посетить хотя бы ради того, чтобы посмотреть, что там носят приличные женщины. Лебедь мягко возражала, что в Милане тоже умеют одеваться, а Марья предложила выбрать город, где сапоги дешевле. Василиса попыталась составить сравнительную таблицу преимуществ обоих направлений, но Кикимора испортила ей расчёты, заявив, что нужно ехать туда, где дают пробовать сыр бесплатно.

— Париж, — решительно сказала Елена. — И никаких разговоров. К Лагерфельду!

— А почему именно к нему? — поинтересовалась Марья.

— Потому что он знает толк в одежде.

— А он нас ждёт? — поинтересовалась Кикимора.

Елена посмотрела на неё так, словно вопрос был совершенно бессмысленным.

— Дорогая, хорошие покупательницы никого не предупреждают. Они просто приходят.

Василиса постучала пером по столу.

— Я всё-таки хотела бы уточнить, как Яга собирается определить не только место, но и время прибытия. Переход через пространство и переход через время могут подчиняться разным законам.

— Василиса, — сказала Яга, — я уже сходила в Новоград и вернулась. Никаких проблем не было.

— Один удачный опыт ещё не доказывает надёжности способа.

— Зато доказывает, что способ существует.

Это было сказано с такой непоколебимой уверенностью, что Василиса поняла: спорить бесполезно. Она тяжело вздохнула, закрыла книжку и принялась собирать образцы тканей.

— Хорошо. Но если мы действительно отправимся, все держатся вместе, никуда не уходят поодиночке и возвращаются при первых признаках опасности.

— Какие признаки опасности могут быть в Париже? — удивилась Елена.

— Например, отсутствие Лагерфельда, — подсказала Кикимора.

— Это будет признаком того, что мы ошиблись адресом, — отрезала Елена.

Тихон, который за время разговора успел наточить все ножи в доме, появился в дверях как раз в тот момент, когда подруги начали обсуждать, сколько денег следует взять с собой.

— Я правильно понял, вы сейчас собираетесь в Париж? — спросил он, переводя взгляд с возбуждённой Елены на сияющую жену.

— Совершенно верно, — ответила Яга.

Тихон некоторое время молчал, словно прикидывал, какие неприятности могут произойти с шестью женщинами, если они внезапно окажутся в незнакомом городе. Потом посмотрел на Марью, которая как раз проверяла, поместится ли кошелёк в карман её дорожной юбки.

— Ты с ними?

— Конечно.

— Тогда хотя бы проследи, чтобы они вернулись все.

— А чего им сделается? — удивилась Марья. — Мы же не на войну идём.

Позднее Яга не раз вспоминала именно эту фразу и всякий раз находила её удивительно неудачной.

Портал решили открывать на поляне за Избушкой, чтобы не повредить мебель, если что-нибудь пойдёт не так. Василиса настояла на удобной обуви и тёплых накидках, поскольку никто не мог гарантировать, что в Париже окажется такая же погода, как в Белолесье. Елена долго сопротивлялась, заявляя, что в дорожных сапогах невозможно появиться в приличном магазине, но в конце концов уступила, взяв с собой сменные туфли. Кикимора притащила огромную сумку, которую Марья потребовала оставить дома, а когда та отказалась, просто подняла её двумя пальцами и вытряхнула содержимое на лавку.

Среди прочего оттуда выпали ложка, моток верёвки, два огурца, пустая бутылка, небольшая сковородка и подозрительно знакомая серебряная солонка.

— Это на всякий случай, — объяснила Кикимора, торопливо подбирая солонку.

— На какой именно? — спросила Василиса.

— Мало ли что там у французов. Может, соли не будет.

— А сковородка?

— А вдруг будет?

После недолгих переговоров Кикиморе разрешили взять ложку, кошелек и одну сумку для покупок. Сковородку она попыталась спрятать под шаль, но Марья заметила характерную выпуклость и молча протянула руку. Кикимора с видом глубоко оскорблённого достоинства отдала сковородку Тихону, попросив беречь её до возвращения.

Яга стояла чуть в стороне, сосредоточенно представляя Париж. В памяти возникали широкие улицы, красивые витрины, мосты через Сену и знаменитая железная башня, которую она видела на картинках. Она представила, как они гуляют по бульвару, рассматривают шляпки, пьют кофе в маленьком кафе, а Елена наконец находит платье, достойное её представлений о прекрасном.

Воздух перед Ягой дрогнул. Между деревьями возникла тонкая серебристая полоса, которая постепенно расширилась, превратившись в высокий проход. За ним виднелась каменная улица, серые фасады домов и узкая полоска неба.

— Вот и Париж, — с гордостью объявила Яга.

Подруги подошли ближе. Елена приподнялась на носки, стараясь рассмотреть витрины, но с того места, где они стояли, ничего похожего на магазины видно не было.

— Странно, — заметила она. — Я думала, там улицы шире.

— Париж большой, — успокоила её Яга. — Не может же вся столица состоять из одного бульвара.

Василиса внимательно оглядела проход, словно надеялась обнаружить на его краю надпись с указанием места и даты прибытия. Ничего подобного не оказалось, но Яга уже держала портал открытым, и времени на дополнительные исследования не оставалось. Марья взяла Кикимору за руку, чтобы та не задержалась по дороге, Лебедь подхватила свою сумку, Елена поправила шаль, и вся шестёрка дружно шагнула вперёд.

Париж встретил их июньской жарой, в которой тёплые зимние накидки сразу стали казаться дурной шуткой, запахом пороха, грохотом выстрелов и человеком, который, выскочив из-за угла, заорал что-то совершенно неприличное, судя по выражению лица Елены, и бросился бежать. Вместо модных витрин перед женщинами возвышалась баррикада из перевёрнутых телег, бочек и мебели, за которой вооружённые мужчины с отчаянным видом стреляли в сторону соседней улицы. В воздухе висел дым, по мостовой катились камни, а где-то неподалёку звонили колокола.

Елена остановилась так резко, что Лебедь едва не налетела на неё.

— Яга, — произнесла она с пугающим спокойствием, — если это и есть парижская мода, то я предпочитаю Милан.

Марья уже оценивала расстояние до ближайшего укрытия, Василиса лихорадочно сообщала, в какое историческое событие их занесло, а Кикимора, увидев летящий в их сторону обломок кирпича, нырнула за перевёрнутую бочку с такой скоростью, что её дорожная сумка осталась висеть на ручке телеги.

— Девочки, кажется, мы немного не туда попали, — призналась Яга, когда над головами просвистела пуля.

— Немного?! — возмутилась Елена, прижимая к груди сумочку. — Я просила Лагерфельда, а не расстрельную команду!

И тут мимо них пронёсся худенький мальчишка в слишком большой куртке и кепке, весело насвистывая что-то совершенно неуместное среди стрельбы. Яга окликнула его, сама не понимая почему, и мальчик, обернувшись, остановился с таким видом, будто ему было решительно всё равно, кто и зачем его зовёт.

— Мальчик, стой! Тебя как зовут?

— Гаврош, мадам, — ответил он, с любопытством оглядывая странно одетых женщин.

— КА-А-АК?! ЭТО КАКОЙ ГОД?!

— Тысяча восемьсот тридцать второй, мадам. А что, у вас другой?

Яг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.